

Ольга Коротаева

ЛОВУШКА

ДЛЯ СЕРОГО МАГА

ИДДК

Ольга Ивановна Коротаева

Ловушка для серого мага

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58507699

Аннотация

Если жизнь кажется невыносимо тяжелой, беспросветной и скучной – не смейте мечтать о чудесах! Чудеса случаются. И в этом их главная опасность. Для этого необязательно бежать за сто морей или провалиться сквозь волшебную кроличью нору на другую сторону земли. И то, что раньше представлялось чудом, оборачивается бесконечным жутким ночным кошмаром. Что это – игра больного воображения или реальность, недоступная большинству людей? Или лабиринт Минотавра, из которого обязательно нужно найти выход, чтобы сохранить себя? И не просто сохранить, а вспомнить, кто же ты такой на самом деле, ведь память отказывается служить, и нужно собрать собственную жизнь, как мозаику, из разрозненных цветных осколков.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	72
Глава 8	78
Глава 9	85
Глава 10	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Коротаева Ольга

Ловушка для серого мага

Глава 1

Москва 15 января 2008

Сон. Яркий, тягучий, обволакивающий. Он не дает ступить и шагу, сковывает движения, парализует мысли. Чувства, плененные паутиной образов, в панике рвутся на свободу. Холод пронзает сердце, оставляя ноющие отпечатки боли. По телу распространяется сладкий яд немощи. Краткий миг, озарение, острое желание скорой смерти. Она принесет долгожданное облегчение. И снова страх. Он сжимает горло, не давая стонам вырваться на свободу. Взрыв! В сияющих осколках ледяного ужаса мечутся отражения снов. И медленно тают, сдавая позиции подкрадывающейся тьме.

Дрожь сотрясает тело. Противный пот холодит кожу рук, шею и затылок. Пальцами ощущаю неприятную шершавость ткани. Пробую открыть глаза. Веки, будто налитые свинцом, не поддаются. Ресницы, кажется, слиплись намертво. После третьей попытки яркий свет режет острым металлом. Визг боли заставляет вибрировать все тело. С жадностью втягиваю в себя воздух, но не могу толком вздохнуть. В ушах на-

растает шум. Через секунду он уже рвёт барабанные перепонки. Грудь раздирает от нестерпимой боли.

Новая боль: резкая и кратковременная. В руке. Укол? Визг в голове начинает стихать, тело расслабляется. Волна теплого небытия укутывает меня ватным одеялом. Я с наслаждением поддаюсь тошнотворной круговерти цветных пятен.

И снова нарастает звук, в этот раз довольно мелодичный. Колокола? А вот тело становится неприятно тяжелым. Словно колокол – это я. Воздух вибрирует, вовлекая меня в круговорот звука. Бом! Неутихающий гул сжимает виски приступом мигрени. Я содрогаюсь в ожидании очередной боли.

Медленно, едва справляясь с тяжестью непослушных век, приоткрываю глаза. Густой мрак выползает из углов квадратной комнаты. С ним отчаянно борется точечный свет маленького ночника. Окно справа зияет глубокой чернотой, изредка протыкаемой тусклыми лучами света далеких фар. Куца, застиранная до серости занавеска пытается стыдливо прикрыть нижнюю часть рамы. Стены скалятся глубокими трещинами, а потолок украшает огромная люстра с множеством лампочек. Хрустальные висюльки поблескивают в свете ночника, покачивающиеся ряды бус отражают свет фар, рассеивая блики по облезлой краске стен. Неуместная роскошь посреди обыденной убогости.

Мерный звук слева действует на нервы. С трудом поворачиваю голову, в шее раздаётся тонкий противный хруст.

Ощущаю, как резко пересохло в горле и облизываю с губ металлический привкус. Чтобы прогнать так некстати пришедшую дурноту, стараюсь дышать глубже и непонимающе плясую на прибор величиной с тостер. По темному экрану периодически пробегает белесая волна, и тут же тишину пронзает тот самый раздражающий меня писк.

Видимо, я в больнице. Но что я тут делаю? И как сюда попал? Кожу на лице стянуло, волосы на затылке, казалось, приподнялись. Одна мысль вытесняет ворох бестолковых образов: а кто это – я? Все, что я о себе помню, это шершавое прикосновение к накрахмаленным простыням и резкий свет в глаза. Память отказывается выдать мне даже имя! Дыхание учащается, на что немедленно отзывается надоевший прибор на тумбочке. Протягиваю к нему руку, но обнаруживаю, что привязан к кровати...

Может, это психушка? Писк над ухом раздаётся уже почти непрерывно. От отчаяния я сжимаю кулаки. Что-то соскальзывает с пальца. Тишина обухом ударяет по натянутым нервам. И тут слух улавливает глухие шаги. В голове тут же возникает образ шприца. Я стараюсь успокоить дыхание. Вдох резкий, словно всхлип, и долгий выдох, небольшая пауза перед новым вдохом. Удивительно, но грудь почти сразу перестаёт разрывать от боли, мельтешение перед глазами отступает, дыхание выравнивается. Откуда я знаю, как это делается? Впрочем, сейчас это не важно. Главное, что сработало. Очень не хочется еще раз погружаться в мучительный нар-

котический сон.

Дверь, неразличимая во мраке ночи, беззвучно приоткрылась, резанув по шербоатой стене полосой света. В палату заглядывает грузный мужчина в белом халате, накинутом на плечи. Залысина его весело блестит, отражая свет коридорной лампы. Я наблюдаю за вошедшим из-под опущенных ресниц. Тот внимательно оглядывается, а потом немного отодвигается. Из-за его спины вынырнула тонкая фигурка медсестры. В руках у нее я разглядел поднос. Спина холодеет, но я стараюсь не поддаваться панике. Дыхание спящего, глаза закрыты, веки расслаблены, тело полностью спокойно. К руке прикоснулись холодные пальцы. Я едва сдержался, чтобы не вздрогнуть. И все равно жду острой боли от иглы.

Но сестра лишь пощупала пульс и что-то надела на мой безымянный палец. Мерный звук вновь наполняет комнату, заглушая тихий гул, доносящийся из коридора. Еще немного, и этот неясный шум неожиданно смолк, словно его придушили подушкой. Шаги уходящей медсестры я расслышал, а вот мужские – нет. Долгое время ничего не происходило. Не выдержав, осторожно приоткрываю веки. Комната пуста. С трудом сдерживаюсь, чтобы не присвистнуть. Лысый мужик явно профи. Но что заставило его охранять меня? Или, наоборот, он сторожит, чтобы я не сбежал? Второе казалось более реальным, учитывая, что я намертво привязан к кровати.

Надо бы проверить, как и чем я связан. Пытаюсь припод-

няться, тело отзывается болью. От досады скрипнул зубами, извернулся в правую сторону, скосил глаза. Запястье обхватывает широкий, сантиметров пять, браслет. На вид – пластмассовый. Каким образом он крепится к кровати, рассмотреть в таком положении невозможно. Пытаюсь вытащить руку, но любые попытки заканчиваются лишь учатившимся писком прибора да очередной красной полосой на коже. Выругался.

– Так и знал, – иронично хмыкнул мой охранник.

Я вздрагиваю от неожиданности. Когда он успел войти? Или умудрился спрятаться в пустой палате? Лысый в это время беззвучно открыл дверь и поманил кого-то. Все та же медсестра с подносом подходит к кровати, бесстрастно готовит шприц, втыкает иглу. Я скрежещу зубами, дергаю рукой, пытаюсь не дать ей впрыснуть наркотик. Но браслеты держат прочно. Уже засыпая, мне подумалось, что сестра не смотрела на меня и вообще старалась держаться подальше. Наверное, я буйный...

Глава 2

Кострома 1 сентября 2007

Нечто разорвало серую ткань сновидения. Всё тело наляглось, готовое в любой момент дать стрекача. Осторожно прислушиваюсь, сжимая в кулаке единственную стоящую вещь, которая у меня имеется. Но в ночлежке тихо. По полу, на котором помимо меня спят ещё люди, гуляет по-осеннему сырой сквозняк. Приподнимаю голову и бросаю взгляд в сторону тёмного коридора: ментов нет. Да и вряд ли они будут искать беглого сироту в бомжатнике. Потом гляжу на белесое небо за окном. Как рано. Так вот оно что! Меня разбудила привычка: в приюте подъём в пять утра.

Мобильный судорожно завибрировал в сжатой руке. Вздрагиваю: знакомые цифры. Придётся ответить.

– Что?

– Серый? – взволнованный голос Степки вызывает раздражение. – Тебя ищут!

Словно по заказу, в окно надрывно стучится вой сирены. Плечи зябко дернулись.

– Менты?

Память услужливо выдаёт картинки: вчерашний «мерс», некстати сработавшая сигнализация, сумасшедшая гонка по дворам...

– Не, – пыхтение в трубке подозрительно смахивает на сдерживаемое хихиканье. – Наши...

– И чё?

Вздых вырывается помимо воли. Я лениво опираюсь на пол, старые половицы уныло скрипнули под небольшим весом тела, голова удобно улеглась на рваную фуфайку, свернутую в рулон вместо подушки. Что бы ни потребовалось так называемым «нашим», меня это уже месяц как не касается. Пусть себе ищут.

– Прощел слух, что тебя хочет усыновить чокнутая парочка... из Москвы! – с придыханием выдаёт старый приятель.

– Да ладно! – изумлённо тяну я.

Слева сыплется мат, мол мешают тут спать всякие сопляки. За сопляка ответишь, пьянчуга! Пихаю ногой серо-зеленую рожу незнакомца. В сторону с противным звоном катится бутылка. В воздухе распространяется запах паленой водки, который затмевает собой даже кислый дух притона, въевшийся в облезлые стены.

Лениво слежу, как пьяный мужик ползёт за «лекарством». Смачно сплюнув ему вслед, резво поднимаюсь и подхватываю под мышку свою старенькую фуфайку. Плечо прижимает мобилу к уху, пока мои пальцы нащупывают потрескавшуюся кожу ботинок. Скрипят, натягиваясь, махровые от старости шнурки. Ходить босиком здесь – сумасшествие.

– Развод, – бормочу я.

– Тоже так подумал, – недовольно отвечает тот. – Распу-

стили слух, чтобы тебя приманить... Поэтому пробрался к заведующей в кабинет. Серый, я видел бумаги. Все уже давно оформлено! Тебя официально усыновили некие Марковы. Подписи, печати, даже твоя медицинская карта и свидетельство о рождении прицеплены. Так что ты теперь Сергей Карлович Марков!

Я поперхнулся, мобила брякнулась на пол. Со стороны пьянчуги снова раздаётся брань. Теперь он долго не успокоится. Откашлявшись, я вновь прижимаю трубку к уху:

– Как?!

– Как слышал, – довольно гогочет Степа. – Саныч бы оценил!

Губы невольно расплываются в улыбке при воспоминании о юморном старике, повернутом на идее коммунизма. Впрочем, он-то был самым адекватным из всех учителей, с которыми мне не посчастливилось столкнуться в приюте.

– Ну что, инфа достаточно ценная? – после короткой паузы, словно собравшись с духом, заискивающе спрашивает Степан.

Я придирчиво рассматриваю симметричные банты шнурков и угукаю в трубку. Переступаю через дурнопахнущее тело, под ногами скрипят осколки стекла. Хочется курить, сую руку в карман, мои пальцы сжимают печально хрустнувшую пачку. Пусто. Поигрывая зажигалкой, осматриваюсь. Внимание привлёк серый пиджачок, висящий на спинке трехногого стула. Воровато оглядевшись, торопливо обшариваю кар-

маны.

Разглядывая находку, презрительно фыркаю – «Прима»! Зато наполовину полная. Выуживаю сигарету, одновременно пытаюсь извлечь искру из зажигалки. Наконец появляется огонек. Затычка приносит облегчение и отвлекает от смрада ночлежки. Пачку засовываю в карман.

Взгляд останавливается на дверце чудом уцелевшего шкафа. Там, в полуразбитом зеркале, сквозь мутные разводы на меня смотрят узкие серые глаза. Худое бледное лицо с ввалившимися щеками да короткий ершик волос цвета мышинной шерсти. Правду говорят, что я серый. А мне нравится эта кликуха. Я оправляю некогда белую майку в разводах краски для граффити, подтягиваю джинсы в пятках бензина и смазки. Горделиво распрямляю плечи.

– Позвольте представиться – Сергей Карлович Марков! – с выражением декламирую я и презрительно задираю острый подбородок, в трубке раздаётся понимающее хихиканье Степки. – Лана, считай, мы в расчете.

Отключив телефон, я задумчиво скребу затылок. Разве так бывает: усыновить ребенка, которого никогда в жизни не видел? Впрочем, каких только чудиков не встречается. Осторожно переступая спящие тела, направляюсь к двери. Щелкнул едва живой замок, под ногами торопливо пробежали ступеньки, сломанный домофон приветствовал ржавым писком, бабка с мусорным ведром проводила недобрым взглядом. Пульнул в ее сторону дымящийся окурок: пусть не пялится!

Зябко сунув руки в карманы фуфайки, я пошагал по улице. Серые дома плавно ползли мимо, озабоченные лица прохожих подобны одно другому, словно унылый маскарад давно завладел всем миром, вытесняя все другие выражения и эмоции. Поежился: жаль, что колеса вчера сразу сплавил, в «мерсе» климат-контроль, тепло и сухо. Но оставлять столь приметную тачку было бы самоубийством. Взгляд привычно заскользил по ряду припаркованных машин. Вырученно-го бабла хватило лишь на жарчку и ночлежку... после того, как отдал долю старшему, и ему же старый должок. Вроде эта ничего...

Неожиданно гавкнула сирена, послышался треск, улица разразилась заунывным воем. Из-за угла высотки выскочила бело-синяя машина. Ноги сами повернули в переулок, хотя умом я понимал, что это не по мою душу. Дергающие звуки растаяли далеко позади, а я шел вперед, забыв про холодный ветер и теплые тачки. Сдавленный смешок вырвался помимо воли. Усыновили! Где, спрашивается, вы были столько времени, мои замечательные родители?!

Каждый ребенок в приюте мечтает не о подарках, не о Деде Морозе, не о пирожных... хотя, и об этом тоже. Но все это любой из них с радостью бы променял на семью. Свою, настоящую. Ту, в которой мама заботливо спрашивает, что бы ты хотел на завтрак, а папе не все равно, какие отметки нарисованы в дневнике.

И тот, маленький Сережа, тоже жаждал простых радо-

стей жизни, с детства доступных большинству детей. Сколько бессонных ночей он рисовал в воображении картины, с надеждой смотрел в окно на ворота и ждал, что вот-вот они распахнутся и мягкая улыбка белокурой женщины, сопровождаемая веселыми искорками в глазах сильного высокого мужчины, подарят ему радость быть нормальным, обычным ребенком. Но нет, надежда таяла год за годом, как свеча, озаряющая разноцветными бликами разукрашенную волшебством новогоднюю елку. А следом пожаловал рассвет юности, который показал в истинном свете облезлые стеклянные шары и мятую мишуру. Разочарование стало благодатной почвой для отчаянной злобы. Как же я ненавижу сейчас этих придурков, что вдруг решили усыновить подростка, даже не взглянув на него!

Жестянка вылетела из-под моей ноги, стайка девчонок взвизгнула от неожиданности, столб брызг чудом не запачкал их белоснежные фартучки. Тело мое замерло, ноги словно вросли в землю. Сквозь тишину душевной ярости вдруг прорвался поток ярких звуков: залиvistый смех, обрывки фраз. Вокруг бегают мальчишки в новеньких костюмах, девочки заботливо поправляют огромные банты, суетливые движения взрослых выдают волнение. Задумавшись, я зашел на школьный двор. Сегодня же первое сентября! Губ коснулось змеиное дыхание сарказма. Ишь, как стараются!

Я-то знал, что улица учит жизни лучше, чем куча бесполезных учебников и уставших от самих себя учителей. Хоть

и сурово, подчас даже жестоко. Но что об этом могли знать эти дети, больше напоминающие изнеженные садовые растения, которые не перенесут и простого ливня?

Девочки, которых я случайно обрызгал, все еще хмурились. Особенно одна, с фирменным портфелем и золотым крестиком на белой шейке. Была бы даже красивой, если бы не надменное выражение, исказившее тонкие черты лица. Конечно! Простой парень в мятой майке явно не соответствует идеалу, прочно засевшему в хорошенькой головке. И всем плевать на твой богатый внутренний мир.

Ощувив душевный порыв, подмигнул девочке, пальцы ловко выдернули хризантему из букета первоклашки, и я плавно скользнул ближе. Старательно отработанными движениями в стиле брейкинга, изображая робота, рука словно достает из груди сердце, другая преподносит цветок, застываю в эффектной позе. Розовые губки уже расплываются в милой улыбке, хотя темные бровки еще хмурятся.

– Спасибо, – осторожно, словно боясь обжечься, берет хризантему. – А... где ты научился так классно танцевать?

Предсказуемая реакция. Я так и вижу, как в голубых глазенках мелькают циферки, подсчитывая, насколько выросла популярность после такого представления. Слабое, продажное сердечко!

– Пойдем, покажу, – резко хватаю ее за руку.

Девочки завизжали и под раздавшийся первый учебный звонок дружной стайкой упорхнули к зданию. Свистнул им в

след и расхохотался. Тут же из груди вырвался вздох, пальцы потянулись к пачке в заднем кармане джинсов. Какое-то время я дымил, прислонившись к скрипящему забору, и наблюдал, как медленно расходятся по своим делам счастливые родители.

Марков! Должен признать, мне нравится, как звучит эта фамилия. И даже хотел бы, чтобы меня так звали. А не то слово, которым наградило государство, о котором я старался навсегда забыть, желая оставаться лишь Серым. Унылым, безнадежным, одиночкой... Я швырнул окурок, метя в красный шарик. Громкий хлопок заставил подпрыгнуть от неожиданности молодую мамашу с коляской. Я двинулся прочь, стараясь стряхнуть с плеч ее неодобрительный взгляд. Какое право имеют судить меня они – благополучные и счастливые?!

В ладони нервно запрыгал мобильник, пальцы протерли давно не гладкое стекло экрана. Позвонить, не позвонить? Что я теряю? Разве что только ночи в грязном притоне, двадцать процентов прибыли от угнанных тачек и постоянный страх. Кнопки пищали, на желтом экране появлялись цифры, с детства въевшиеся в память. Девять, три... Осталась последняя. Палец неуверенно застыл в воздухе. А вдруг все-таки развод? Приду в приют, а меня там уже поджидают двое в форме и с дубинками в руках? И бесплатная путевка в детское исправительное. Лучше осторожно подойду к черному входу да проверю все сам.

Появился план, и уверенность сразу взялась за дело. Сколько бежал, оставляя улице на память лишь неясные облачка пара, я бы не смог сказать. В сердце неровным пульсом билась новорожденная надежда о своем доме, заставляя забыть о промозглом холоде резко начавшейся осени и хлюпающих звуках в дырявых ботинках. Дыры в заборе, облезлые деревья двора, обшарпанная дверь заднего входа. В нос ударил запах кислой капусты и вареного картофеля – на кухне готовится обед. Лестница еще поблескивала влагой, помня недавнее свидание с тряпкой уборщицы. Гул голосов слева, доносящихся из общего зала, свидетельствовал об очередном глупом собрании. Это хорошо, учителя тоже там.

Повернул направо и осторожно скользнул в приоткрытую дверь, ведущую в административное крыло. Тихо вроде. Надо спешить, пока есть возможность. Бегу, а пальцы на ходу нащупывают в кармане старую надежную отмычку. Поворот к кабинету заведующей...

С ходу врезаюсь в высокого мощного мужчину. Тот мгновенно среагировал, сграбастав меня одной рукой, пол ушел из-под ног. Висок заглодел, в нос ударил запах железа. Я хочу закричать, но из горла вырывается лишь хрип. Глаза, казалось, сейчас вылезут из орбит. Грудь словно сдавило прессом.

– Что такое? – раздался справа взволнованный голос заведующей, самой женщины я не видел – в глазах темнело. – Что происходит? Это что... кто... ребенок? Отпустите немедленно!

но!

Я ощутил, как мертвая хватка ослабла, ноги коснулись пола. Громила в черном костюме виновато спрятал пушку.

– Извините.

Я хватаюсь за шею, кашель не дает нормально вдохнуть. В ушах еще шумит, но тьма перед глазами рассеялась.

– Сережа? – Ольга Николаевна нервно поправила очки и облегченно рассмеялась. – Вот и хорошо! Э-э-э... Ты так быстро приехал из колхоза. – Она торопливо, словно ощутив неожиданную резь в животе, склонилась ко мне. Я оценил весьма выразительный взгляд. Кивнул: конечно, не дурак! О побеге ни слова. Заведующая выпрямилась и театрально всплеснула руками: – А это как раз тот мальчик, о котором мы с вами говорили, Карл Лаврентьевич!

Отступила в сторону, и созданный образ бородатого профессора в пенсне вдребезги разрушил невысокий молодой человек лет двадцати пяти. Стройный, словно манекен, с таким же неподвижным выражением очень бледного лица, тщательно уложенной прической и в шикарном белоснежном костюме, он мне совсем не понравился. Что-то в незнакомце было от классического гангстера из старых голливудских фильмов, не хватало лишь усиков. Черные, как костюм его телохранителя, глаза «папаши» придиричиво ощупывали меня с ног до головы лучше всякого рентгена.

– Этот?

Неприятный холодок словно ледяными осколками прон-

зил внутренности. Я невольно отшатнулся, спина уперлась в неподвижную статую охранника. Незнакомец неожиданно белозубо улыбнулся, словно узнал меня после долгих лет.

– Да, это он! Дорогая, подойди.

Из-за спины Карла Лаврентьевича выпорхнула молодая особа со знакомым выражением лица, которое часто присутствует на хорошеньких мордашках публичных дам. Накачанные ботоксом так, что мимика нормальных людей им не доступна, силиконовые губы, казалось, не способны сомкнуться, в голубых глазах – тоска смертная. И даже облегающее красное платье не добавляло женщине огня. Карл по-хозяйски обнял жену за талию и попросил:

– Отведи Сереженьку в машину, а я пока улажу последние формальности.

Куколка безучастно кивнула, дорогие лаковые туфли разбудили коридорное эхо. Громила бесцеремонно подтолкнул меня в ее сторону. С трудом удержавшись на ногах, беспомощно оглянулся на Ольгу Николаевну.

– Как? Так сразу? – протянула та, словно озвучивая мое недоумение.

Но человек в белом подхватил заведующую под локоток, дверь захлопнулась. Еще один невежливый тычок в спину убедил следовать за «мамой».

Я ожидал, что громила двинется следом, но тот остался на месте. Женщина успела уйти далеко, стук каблучков талял в шуме первого этажа. Внезапно осознав надвигающиеся

перемены, я в нерешительности застыл на лестнице. Радужные наивные мечты детства лопались мыльными пузырями, оставляя на память лишь резь в глазах. Странная семейка! Что же нужно от меня этим людям? Возможно, я некогда украл тачку этого богача, и вот он решил поквитаться? Но быстрее и дешевле, учитывая «легкую» процедуру усыновления, заплатить сотню баксов за нежное объятие удавки или ночную пулю в затылок. А может, он серийный убийца? Или рабовладелец?

Еще не поздно снова сбежать! И все же, слабое наивное существо внутри, которое я считал давно мертвым, нежно поглаживало сердце робкими надеждами. А эта чувствительная мышца снова, как в далеком детстве, сладко замирала в предвкушении чуда. Ну сколько можно? Пора заканчивать с розовыми соплями да линять, пока не поздно! Взгляд скользнул в сторону черного хода...

Внезапно в груди похолодело: что это со мною? Ох, как кружится голова! Руки цепляются за перила, вялые ноги немеют, в голове царит сумбур, перед глазами – рваный ватин сумрака. Ощутив холод ветра, я понял, что каким-то образом оказался на улице. Мир плыл куда-то мимо. Глаза удивленно смотрели на скачущую землю. Ноги, словно чужие, уверенно ступали по колючему газону. Куда это меня несет?

Центральные ворота, ржавые и покореженные, распахнуты настежь, рядом с белоснежным сверкающим на солнце

лимузином суетится старенький сторож. Словно крепостной раб из книжки, он мнет руками шапку и постоянно кланяется женщине в красном. Та неподвижно стоит у распахнутой двери, больше похожая на куклу из интимного магазина, чем на живую женщину.

Роскошная тачка, как огромная мышеловка, радостно ожидала, завлекая в отсутствие сыра заводными ритмами музыки. Я сглотнул комок в горле и приказал себе остановиться. Темная дыра все так же неумолимо приближалась. Теперь лимузин больше походил на белоснежную улыбку своего владельца... если бы тому вдруг выбили один-два зуба. Что происходит?!

– Сереженька! Какая радость! Ты всегда был особенным! – сторож бросился мне навстречу так, словно я был его единственным и горячо любимым внуком, приехавшим навестить старика из далекого города.

Я усмехнулся: особенным! Это когда я подсыпал ему слабительное в водку или запустил петарду в сторожку? Тогда он называл меня кретином и уголовником. Сейчас же даже имя вспомнил! Впрочем, старика можно понять: вдруг на радостях и ему перепадет на бутылку.

Сторож сграбастал меня в объятия. В нос ударил запах перегара:

– Ты мне...

Что конкретно он хотел, я не расслышал. Стоило ощутить прикосновение, как странное онемение как рукой сняло. Но-

ги вновь слушались, кончики пальцев словно пронзили тысячи игл, но все же я мог идти в любом направлении. А вот сторож вдруг вытянулся в струнку, выцветшие глаза почти выкатились из орбит, руки безвольно повисли вдоль тела. Он по-военному развернулся и шагнул к лимузину.

«Мама» безучастно наблюдала, как старик залезает в машину, хлопнула за ним дверь. Холеные руки с ярким маникюром повисли точно так же, как у сторожа. Страх холодными пальцами сжал затылок, адреналин заклокотал в горле. Бежать! Я попятился, но спина тут же ощутила преграду. Коленки задрожали. На плечах тисками сомкнулись огромные ладони.

– Ты еще не в машине? – участливо спросил Карл Лаврентьевич.

От звука веселого голоса тело нервно дернулось, но верзила крепко сжимал меня, не давая сбежать. В голове бешеными белками заметались самые идиотские идеи. Я с отчаянием утопающего схватился за одну.

– Мне же нужно вещи забрать...

– Вещи! – Мужчина расхохотался так заразительно, что мои губы поневоле расплылись в улыбке. От этого страх лишь усилился. Марков покачал головой и доверительно склонился ко мне: – Понимаешь, Сережа... Уже сегодня вечером ты и не вспомнишь о так называемых вещах. Тебе теперь доступны любые шмотки, брюлики, машины... ну водить их будешь, когда достигнешь совершеннолетия, конеч-

но. Но самое главное: что бы ни было спрятано в приюте, это теперь навсегда утратило для тебя ценность!

Он легонько коснулся моей щеки. До слуха донесся тонкий звук церковного звона. И все сомнения мгновенно улетучились из головы. Ну конечно! Зачем мне дурацкие фото и прочая чепуха, все это – свидетельство старой нищей житухи, которая остается в маленьком городке. Впереди яркая богатая жизнь в столице, полная удовольствий и радости.

Возможно, я сам ищу странное в поведении своих новых родителей? Какая-нибудь старая психологическая травма не дает поверить в реальность происходящего. Жаль, приходящий психолог, все приглашения которого я упорно игнорировал, теперь не поможет. Хотя, если отместить детские страхи, остается живой человек, решивший усыновить сироту. Может, из жалости, может, для воздействия на других людей, – мол, смотрите, какой я добрый! – а может, его жена не могла или не хотела иметь детей. То-то она выглядит не особо довольной. Да мало ли что?! Главное, я теперь буду иметь все, что захочу!

Охранник распахнул дверь лимузина и удивленно уставился на сторожа. Тот с блаженной физиономией прижимал к груди бутылку шампанского. Карл Лаврентьевич нахмурился и щелкнул пальцами. Я вздрогнул от неожиданности, словно очнулся. Проснулся и старик, он кубарем вывалился из автомобиля, зеленая бутылка покатила по асфальту, оставляя шипящий след. Марков бесстрастно переступил

лежащее тело.

– Прошу! – Приглашающий жест хозяина сопровождался любезной улыбкой.

Лимузин уже не вызывал никаких ассоциаций в стиле низкопробных ужастиков. Я с удовольствием забрался внутрь, а Карл, послав небрежный кивок телохранителю, заботливо помог сесть даме.

Я откинулся, веки смежились от удовольствия, спина утонула в упругой мягкости, пальцы ощутили приятную шершавость обивки. Для полного кайфа не хватало одного. Приподнялся, пальцы нащупали пачку...

Марков резко выхватил из моей руки сигареты, я беспомощно проследил, как утренняя добыча исчезает в узкой щели окна.

– Это мое! – запоздало вскрикнул я.

Мужчина лишь мягко улыбнулся, как маленькому ребенку.

– Это бяка!

Окно автоматически закрылось, перекрыв неясный гул улицы. Я в поисках поддержки оглянулся на женщину, но та смотрела в окно с таким видом, будто все происходящее ее совершенно не касается. Я обиженно скрестил руки на груди и отвернулся.

За окном мелькали дома, яркие лучи солнца изредка, словно исподтишка, выстреливали в толпу прохожих. Постепенно деревья заполонили обе стороны дороги. Было ясно,

что лимузин направляется прочь из города. Мне было все равно, внутри ничего не дрогнуло при расставании с так называемой родиной, но настораживало то, что в Москву нужно было ехать совсем в другую сторону. Подмывало спросить, куда это Карл везет меня, но я сдерживался, все еще припоминая ему случай с сигаретами.

Дорога становилась все хуже, в шкафчике рядом с пустым ведерком для шампанского весело дребезжали бокалы. Мимо проплыло желтое озеро пожухлой травы, сонные коровы, обмахиваясь хвостами, проводили белоснежный автомобиль томными взглядами, и снова свое место заняли стройные ряды полуголых берез. Мутные сумерки напали внезапно, в окно сурово постучал осенний дождь, мгновенно запотевшие стекла почти скрыли живописные разводы воды. Монотонный стук капель, однообразная музыка и теплые потоки воздуха в машине навевали дрему...

Глава 3

Москва 16 января 2008

Не знаю, как проснулся, но настроение очень мрачное. Голова кружится, перед глазами все плывет. Да еще и тошнит... и одновременно хочется есть. Я послушал ворчание желудка и скосил глаза на руку. Несколько темных пятнышек выдавали места уколов. Перехватило дыхание, кулаки сжались: они превратили меня в наркомана! Скоро сам буду слезно умолять об очередном уколе. Этого нельзя допустить! В этот момент ясно осознал, что всегда презирал тех, кто попадал в какую-либо зависимость. Складывая волю в чулан за ненадобностью, они послушными баранами брели за очередной дозой того, что позволит на время спрятаться от жизни.

Выдохнул проклятие и с удивлением проследил за небольшим облачком пара, который выпорхнул из моего рта. Огляделся. В палате быстро светлело, за окном можно было уже разглядеть раскидистые деревья, черные ветки которых затейливо украшены белоснежным мехом снега. Одна из занавесочек чуть колыхалась: либо конструкция окна отличалась оригинальностью, и там находилась форточка, либо стекло попросту разбито. Ночью в палате было тепло, даже слишком, так что отверстие в окне появилось не так давно.

Я извернулся, насколько позволяли оковы, стараясь разглядеть пол. Так и есть: полурастаявшая сосулька воистину гигантских размеров сиротливо лежала в расплывающейся луже. Брови удивленно поползли вверх: интересно, кому понадобилось швырять такие большие куски льда в больничные окна? Но даже если бросивший его сейчас находился на улице, я все равно не смог бы на него посмотреть.

Похоже, звук разбившегося стекла меня и разбудил. Странно, что он не привлек внимания моего тюремщика. В палату до сих пор никто так и не вошел. Между тем, комнату быстро наполнял холодный воздух. Волоски на руках встали дыбом. Тонкая простыня почти соскользнула на пол. Поправить ее не было никакой возможности. А зеленое недоразумение, вроде полупрозрачного фартука, надетое на мое голое тело, могло помочь лишь скорее замерзнуть.

Я был готов уже позвать на помощь, даже рискуя получить очередную дозу в вену, как услышал шаги. Судя по разнообразию голосов, по коридору шла небольшая компания. Дверь приоткрылась, но входить никто не спешил. Я постарался успокоить дыхание и притвориться спящим. Кто знает, что за перемены несут с собой эти люди.

– Прилипли к телику! – женский голосок так и сочился ядом сарказма.

– Их можно понять, – прошелестел тихий мужской голос. – Такое нечасто случается...

– Да уж, – фыркнул кто-то. – Началось прямо с ночи, как

по приказу.

– Ничего удивительного, – все тот же тихий голос, в котором ощущались власть и сила. Так мог бы говорить босс огромного предприятия. – Он же очнулся.

– Так может, все-таки войдем? – почти лениво предложил новый голосок.

Еще несколько мгновений ничего не происходило, словно некто, держащийся за ручку двери, никак не мог решиться распахнуть ее. Ворчание, глухой удар.

– Отойди, – сердитый женский голос.

Что-то во мне отозвалось на него. Да, я прекрасно знаю его обладательницу... знал когда-то. Сердце забилося чаще, на что тут же отозвался надоевший прибор. Изнемогая от любопытства, я осторожно приоткрыл глаза, наблюдая за дверью сквозь ресницы.

В комнату осторожно вошла невысокая полноватая дама весьма приятной внешности. Строгий черный костюм не вязался с мягкой улыбкой и плавными движениями. Увидев меня, она вскрикнула и бросилась вперед. Я сжался, не зная, чего ожидать. Но женщина лишь подняла с пола простынь и поспешно укутала меня ею, тщательно подоткнув со всех сторон. Оглянулась на остальных.

– Как здесь холодно! Он же простудится!

Я вздрогнул: сколько любви и заботы в звенящем голосе!

– Ничего с ним не случится, Кэт, – тихо сказал высокий мужчина с суровым выражением на худом лице.

Из-за него осторожно выглядывала девушка, разглядеть которую я не решился, ибо это могло выдать меня. Цепкий взгляд мужчины ощупывал мое лицо.

– Смотри! – воскликнул девичий голосок.

Видимо, девушка все-таки вошла в палату.

– Кто это мог сделать? – удивленно спросила женщина. Сосулька, догадался я. Они увидели разбитое окно. – Куда же глядел Рома?

Видимо, это тот, с блестящей лысиной.

– В телевизор, – цинично усмехнулся мужчина. – Насколько я знаю, у него есть кое-какие сбережения.

– В американском банке, – ехидно подхватила девушка.

– Мари, нехорошо радоваться чужим промахам.

Этот голос немного походил на тихий говор худого мужчины, как если бы тот состарился вдруг лет на пятьдесят. Шаркающий, словно одинокие шаги в престарелом доме, но наполненный скрытой силой так, что я растерялся, пытаюсь определить, сколько же лет говорившему.

– Извини, дедушка, – с почти искренним смирением произнесла Мари.

– Виктор, обязательно его связывать? – со слезами в голосе спросила женщина.

Я чуть вздрогнул, ощутив легкое прикосновение ее теплой руки.

– Сама знаешь, – немного виновато ответил худой мужчина.

– Он не спит, – новый голос: грудной, чуть картавый, девичий.

– Что, Жанна? – переспросила женщина.

– Не спит, – хмыкнул дед. – Девочка верно подметила. Лежит, стервец, и подслушивает.

Поняв, что скрываться уже бесполезно, я открыл глаза. Двое мужчин, женщина и две девушки, обступившие кровать, словно по команде, сделали шаг назад. Брови мои от удивления поползли на лоб. Я что, настолько опасен?

– Привет, – женщина, словно очнувшись, метнулась к кровати и осторожно присела на край. Тепло ее ладони накрыло мою кисть. – Как ты, милый?

Милый? Я испытующе всматривался в мягкие черты. Казалось, сочувствие и беспокойство были совершенно искренними. Что ответить, я не знал. Спросить, кто она? Или попытаться скрыть, что я их не помню? Напряжение нарастало. Все явно чего-то от меня ждали. На лице девушки по имени Мари я отчетливо видел страх. Она постоянно оглядывалась на дверь и на худого мужчину, словно решаясь попросить у того разрешения уйти.

– Нормально, – ответил наконец я.

Голос прозвучал скрипуче. Так, словно кто-то открыл старую железную дверь. Вздох облегчения пронесся по палате, смешиваясь со сквозняком, проникающим в разбитое стекло. Все заулыбались. Жанна поспешила присесть на кровать с другой стороны. Высокая, с кукольной внешностью

и огромными голубыми глазами, она очень отличалась от остальных. Но ее я тоже не узнавал.

– Ох, и испугал ты нас, – прошелестел пожилой человек.

Невысокого роста, чрезвычайно худощавый, он был похож на сухое дерево. Но я откуда-то знал, что это впечатление обманчиво. Голубые глаза старика так и излучали силу, словно власть над целым миром для него обычная рутина.

– Алёшенька! – Женщина смахнула слезу. – Я так рада, что все позади...

– Кэти! – оборвал ее на полуслове Виктор.

– Проявил бы хоть каплю сочувствия к сыну! – вдруг зло выкрикнула Кэт.

Я закрыл глаза и сглотнул комок, застрявший в горле. Меня зовут Алексей, Виктор мой отец, Кэт, похоже, – мать... Как-то не вязались имена на иностранный манер с ласковым «Алёшенька». То, что мы находимся в России, сомнений не вызывало. И все, кто присутствовал сейчас в моей палате, тоже были россиянами... Ну, разве что, только мама не была прирожденной русской. Говор у нее слегка тягучий, точно вязкий. И даже ласковое обращение прозвучало немного фальшиво.

– Побереги свое сочувствие, – наконец ответил мужчина. Голос его звучал холоднее сквозняка. – Судя по началу, каждая капля может стоить очень дорого.

– Может, пойдем уже? – несмело предложила Мари. Она взялась за ручку двери и смотрела на деда с какой-то отча-

янной надеждой. – Алексу наверняка нужно отдохнуть.

– Пойдем, – вдруг засобиралась Кэт. Она вскочила, суетливо поправила прямую юбку, оббежала вокруг кровати и тронула плечико Жанны: – Оставим вас с Алексом наедине...

– Это зачем? – настороженно спросил я, изучая абсолютно спокойное личико девушки.

– Ну, как же, – нервно рассмеялась мама. Опустила глаза и ухватилась за рукав Виктора. – Жанна специально приехала из Лондона. Вы давно не виделись. Наверное, есть, о чем поговорить...

Легкое замешательство на бледном лице Жанны выдало ее с головой. Она, как и я, совершенно не знала, о чем нам нужно поговорить и была бы рада уйти вместе со всеми.

– Эй, – крикнул я, увидев, что семья поспешно отступает к двери. – Может... раз уж мне лучше и все такое, больше не нужно меня пичкать наркотой?

Виктор задержался у двери.

– Не выдумывай, Алекс! – подчеркнуто строго проговорил он. – Никто тебя не пичкает так называемой наркотой. Постыдился бы таких слов в адрес родителей.

Постоял, словно колеблясь, потом коротко кивнул:

– Но я поговорю с доктором, чтобы он отменил уколы, если в этом нет необходимости.

И проследив за стыдливым бегством Жанны, решительно прикрыл за собой дверь. Занавеска всколыхнулась и вновь

уныло повисла на веревке. Я тяжело откинулся на подушку. Перед глазами кружился целый хоровод звезд. Грудь сдавило прессом усталости так, как если бы я не спал трое суток. Я боролся с собственной памятью, пытаюсь рассмотреть хоть что-нибудь в темном омуте гладкой воды. Но видел лишь неясные отражения, которые совсем не узнавал. Они вихрем суетились вокруг моей головы, вызывая легкую тошноту. Показалось, что открылась дверь. Чьи-то торопливые шаги оставили меня равнодушным. Гораздо интереснее очертания живописных пятен, которые все время менялись, очаровывая гротескным танцем больного воображения. Бред или сон, мне все равно. Зато не надо думать и пытаться вспомнить...

Глава 4

Поместье 2 сентября 2007

Взвизгнули тормоза. Я подскочил от неожиданности, за-тылок взорвался от боли, я охнул, руки обхватили голову. Карл даже бровью не повел. Громила вышел, женщина же, кажется, за всю поездку так ни разу и не пошевелилась. Тишину нарушало лишь мое обиженное пыхтение да шелест мелкой мороси. Вскоре машина вновь тронулась с места. Мимо проплыли распахнутые створки кованых ворот. Я восхищенно рассматривал черное замысловатое кружево, за которым показались ровные поля ухоженных газонов, яркие островки клумб и редкие стрелы чудных деревьев.

Карл вышел из машины, я вылез следом и оказался на небольшой асфальтированной площадке перед широкой белой лестницей, ведущей к парадному входу старинного здания, похожего на барскую усадьбу из учебника по истории. Стены трехэтажной серединки и одноэтажных крыльев выкрашены в солнечно-желтый цвет. Белоснежные колонны на два верхних этажа основного здания поддерживают строгий треугольник фронтона.

Свет уличного фонаря образует причудливые тени на фасаде, украшенном шикарнейшей лепниной. Дождь невежливо стучится в темные стекла множества окон. Каменные ва-

зоны у входа – безмолвные стражи, охраняющие переход в совершенно незнакомый мир. Я словно воочию видел, как высокомерная дама с причудливыми завитками в высокой причёске недовольно кутается в шикарную меховую накидку, пока пузатый барин придиричливо осматривает новенького норовистого жеребца в упряжке экипажа.

Шорох гравия под колесами машины вернул к действительности, лимузин медленно повернул направо. Карл уже направлялся к двери, охранник держал над хозяином большой чёрный купол зонта. Женщина, видимо, была за рулем машины. Морось холодными змейками скользнула за ворот, с волос срывались капли воды. Кутаясь в сырую фужайку, я поспешил под защиту крыльца.

В руке Карла возник предмет, похожий на старый пейджер. Узкий экранчик подмигнул зеленым огоньком, тут же щелкнул замок, мужчина повернул ручку. Мелодично скрипнули петли, и нас неприветливо окутал сыростью огромный холл. Я огляделся. Высокие зеркала множат три фигуры в бесконечности отражений. Широкие ступени изогнутых, словно два полумесяца, лестниц торопливо убегают на второй этаж, где пугливо прячутся во тьме.

Щелчок выключателя. Яркий свет, усиленный серебром зеркал, резанул по глазам. Огромная люстра под потолком с несметным количеством ламп нещадно прогоняла сумрак, но тот мгновенно сгруппировался в тених за мягкими диванами да за тяжелыми шторами, сдав позиции лишь на время.

Пока я оглядывался, Карл успел избавиться от пиджака и галстука и теперь быстро приближался ко мне. Окинул холодным взглядом, недовольно качнул головой. Я стыдливо помялся: лужа дождевой воды, стекая с одежды, расплзлась темным пятном по дорожному дубовому паркету. Шмыгнул носом, руки привычно скользнули в карманы. Мужчина требовательно протянул ладонь:

– Телефон!

Я вздрогнул: сдать мобилу? Как рабу или заложнику... В горле застрял ком, я испуганно оглянулся на входную дверь, пытаюсь вспомнить, закрывали ли ее на замок.

– И старье свое снимай, – брезгливо продолжил Карл. – Сейчас же!

Показался охранник, руки его были заняты большой картонной коробкой, которую тот кинул мне под ноги. Стараясь не трястись, я медленно снял фуфайку. Одежда с шумом плюхалась в коробку. Озноб завладел всем телом. Карл повел черной, словно нарисованной, бровью. Я вздрогнул и с большой неохотой стянул последнее, что еще оставалось на мне. Ощущая себя крайне неудобно, переступил с ноги на ногу.

– Сожги это, – брезгливо бросил хозяин, короткий кивок в сторону охранника.

Тот торопливо укутал мои плечи огромным, явно с его собственного плеча, махровым халатом, схватил коробку и исчез за дверью, на миг впустив в дом влажный шелест тон-

ких струй.

Карл поманил меня, паркет взвизгнул под его подошвами, и хозяин пошагал к лестнице. Я немного потоптался на месте, взгляд буравил спину мужчины, сомнения грызли душу. Вообще-то я сразу могу определить людей, которые имеют склонность к маленьким мальчикам. У них очень специфическое обращение и особый взгляд... мерзкий такой. До сих пор подозрений по поводу Карла у меня не возникало, но сейчас...

– Так ты пройдешь в свою комнату или тебя устроит коврик у порога? – иронично спросил Карл.

Сердце замерло. Своя комната – от этих слов повеяло новогодним волшебством. Все сомнения поспешно растаяли в предвкушении скорого исполнения детской мечты. Подтянул полы халата, освобожденные ступни осторожно скользнули по паркету, гладкое дерево враждебно холодило кожу, явно невлюбив чужака. Ступеньки лестницы встретили более благосклонно, мягкий ворс золотистого ковра приятно щекотал пальцы ног. Запутавшись в складках одежды, я споткнулся, тело потеряло равновесие, а в голове молнией мелькнула мысль о несчастном случае и переломанной шее. Из горла вырвался вскрик.

Уже почти смирившись с предстоящим падением, я неожиданно ощутил поддержку. Локоть уперся во что-то твердое, спина выпрямилась сама собой. Миг, и я снова поднимаюсь по лестнице, словно падение мне лишь померещи-

лось. Легкие судорожно впустили воздух, мой взгляд уперся в затылок Карлу. Тот никак не отреагировал на происшествие, ноги его мерно переступали со ступеньки на ступеньку. И лишь правая рука приподнята к плечу, словно кисть держала что-то невидимое.

Сердце испуганно колотилось в груди, в ушах неприятно шумело. Может, все это мне привиделось? Как тогда, у лимузина. Мозг упорно искал разумное объяснение произошедшему. Я вспомнил мутный взгляд мужика, у которого стрельнул сигареты. Он не был пьян, но двигаться не мог... В животе похолодело: что за сигареты лежали в пачке с надписью «Прима»? Хорошо, что Карл их выбросил, ненавижу наркоту! Но пара сигарет уже выкурена и еще неизвестно, к каким это приведет последствиям.

Поднявшись по лестнице, мы свернули направо. Голова немного кружилась. Карл остановился, и я врезался в его спину. Хозяин по-военному развернулся, черные глаза, казалось, впились в мое лицо. Я невольно отшатнулся.

– В моем доме действуют некоторые правила, очень простые. – Тихий голос звучал проникновенно и даже немного угрожающе. Я на миг ощутил себя пятилетним ребенком перед взрослым строгим дядей. – Их немного, и я очень не советую их нарушать. Первое – здесь не курят!

У меня засосало под ложечкой, сразу остро захотелось курить. Карл молча буравил тяжелым взглядом, словно ожидал чего-то. Остатки совести заметались по закрамам души.

Пальцы, как в детстве, скрестились, таясь в складках халата. Я вымученно кивнул. Губы Карла растянулись в саркастической усмешке. Он продолжил:

– Второе – в мой кабинет ни при каких обстоятельствах заходить нельзя!

Я вздохнул. Ну вот, теперь буду маяться и искать повод заглянуть в этот таинственный кабинет!

– И третье, – глаза Карла превратились в тонкие щелки, словно он видел меня насквозь, – последнее. По саду можешь гулять свободно, но за пределы ворот выходить можно лишь в сопровождении меня или Виктора. Кстати, это для твоей же безопасности, – соизволил объяснить он. Холодно улыбнулся, холёный подбородок чуть вздернулся. – А это твоя комната. Все, что находится в ней, твоё. Спокойной ночи.

Я растерянно проследил за удаляющейся фигурой. Карл миновал пятно света около лестницы, и мягкие шаги растаяли в нависшей тишине. Неожиданно я ощутил себя очень странно, словно вдруг оказался замурован в огромной глыбе льда. Я всегда стремился избегать дружбы... от любых отношений держаться в стороне. А вот сейчас бы все отдал, чтобы не ощущать себя таким одиноким.

Переминаясь с ноги на ногу, с недоверием буравил взглядом дверь. Почему-то очень не хотелось ее открывать. Руки мои охватили озябшие плечи, зубы выстукивали замысловатую мелодию. Я чувствовал себя крайне незащищенным.

– Ну что ты так трясешься? – попытался подбодрить самого себя. – Вот же оно – то, о чем так долго мечтал! Только руку протяни...

Скорчил рожицу отражению в блестящей поверхности ручки. Искореженная копия нахально высунула язык. Пальцы, словно стремясь стереть изображение, обхватили холодный металл, щелкнул замок, тихонько скрипнули петли. Я шагнул с чувством, что за дверью – пропасть.

И очутился в светлой просторной комнате. Два широких окна тщательно зашторены тяжелыми портьерами, стремясь защитить нового хозяина от непогоды, ступни уютно утонули в зеленом ворсе толстого ковра, широченная кровать обещала сладкие сны, а огромный плоский телевизор игриво привлекал внимание беззвучной трансляцией хоккейного матча. Я словно бы попал из лютой зимы в беззаботное лето! Забыв обо всем на свете, как ребенок, несмело прикасался кончиками пальцев к мягкой ткани покрывала, гладкой поверхности телика, многочисленным коробкам с играми, стеклянному столику, новейшей приставке... Словно стремясь убедиться, что это все – настоящее.

На ковре обнаружили беспроводные наушники, как негласная просьба хозяина соблюдать тишину. Тут же натянул их на голову, в уши ворвался свист хоккейных болельщиков и удары шайбы о борта. Пошарил левой рукой в поисках дисков, правая намертво сжала джойстик. Сбылась мечта детства, словно ко мне явились разом Зубная фея, Дед

Мороз и джинн, и наполнили мою жизнь яркими красками.

На мгновение экран показал ярко-синий прямоугольник, пискнула кнопка, загорелся зеленый огонек, и реальность растворилась в ярких красках чужих фантазий.

Дарт Вейдер взирает на меня с лошади, бока которой почти целиком закованы в мятые железные латы, смрадное дыхание наполняет воздух. Конь медленно надвигается на меня, кроваво-красные глаза светятся в щелях лат. Черный всадник поднимает руку, которая на глазах превращается в так называемое «Оружие победы», пистолет-пулемет Шпагина. От удивления у меня ноги приросли к земле. Смотрю вниз и вижу, что на самом деле стремительно ухожу под землю. Паника сжимает горло: у меня же только одна жизнь осталась! Ну вот, опять все уровни сначала проходить! Злодейский хохот ситха был последним звуком, который я слышал перед тем, как меня заграбастала полная тьма.

Глава 5

Москва 17 января 2008

Влага оросила ссохшиеся губы, любопытными струйками разбежалась по щекам, пощекотала уши и с едва различимым звуком впиталась в ткань подушки. Несколько капель проникли в рот, вызывая дикую жажду. С трудом разлепил губы и приподнялся, пытаюсь словить еще глоток. Зубы звонко стукнули о край чашки. Женский голос тихо ругнулся, затылок мягко придержали. Я жадно хлебал противную солоновато-сладкую жидкость, ощущая, как все тело постепенно наполняется жизнью. Утолив жажду, устало откинулся на подушку. Медленно раскрыл глаза.

Сморщенное лицо худощавой старушки. Не выдержав сурового взгляда выцветших глаз, отвернулся. Яркие лучики утреннего солнышка недовольно огибали фанерку на месте разбитого стекла. Донельзя хмурый охранник Рома, скрестив мускулистые руки на груди, оперся о стену рядом с открытой дверью, которая отражалась в поблескивающем линолеуме. Воздух наполняли пары хлорки. Я скосил глаза. Ни сосульки, ни лужи от нее на свежевывытом полу, разумеется, не было.

Пожилая медсестра тем временем пощупала мой пульс, приложила ко лбу черную полоску, приподняла правое ве-

ко, недовольно покачала головой и, искоса глянув на лысого здоровяка, резво посеменила к выходу. Рома внимательно проследил за продвижением медсестры, потом смерил меня тяжелым взглядом покрасневших глаз и, ступив следом за старушкой, тщательно прикрыл дверь, тем самым преградив путь суетливому шуму, доносившемуся из коридора. В наступившей тишине я вдруг ощутил, что что-то не так. Оглянулся на аппарат, что вчера донимал меня мерными звуками... и не обнаружил его. На потертой тумбочке стоял лишь графин да белая чашка, из которой я только что пил воду. Попробовал пошевелиться, но обнаружил, что все еще привязан в кровати. Усмехнулся: зачем было оставлять графин, если мне все равно не удастся до него дотянуться?

Маленький пластмассовый стаканчик рядом с графином содержал таблетки разного размера. Я поморщился: уколы заменили на колеса. Пусть только попробуют закинуть это в меня! Стаканчик вдруг дрогнул и опрокинулся. Белая таблетка покатилась по тумбочке и, исчезнув за краем, глухо ударилась об пол. Я удивленно покосился на окно. Видимо, фанерку даже не потрудились тщательно приколотить, раз по палате гуляет такой сильный сквозняк. Холода все же я не ощущал, несмотря на тоненькую ткань одноразового халата, надетого на меня под легкой простыней. Но что-то доставляло дискомфорт в районе таза. Утка! Видимо, старуха забыла убрать ее. Рассвирепев, я приподнял зад и бедром вытолкнул судно из-под себя. Звон железа и всплеск мочи разозли-

ли еще больше. Лежа в бессильной злобе, я наблюдал за дребезжащими висюльками люстры.

Тут дверь медленно открылась. Вместо широкоплечего Ромы в комнату заглянула Жанна. Она в белом халате медсестры и вела себя весьма странно. Постоянно вздрагивала и оглядывалась. На всякий случай я притворился спящим. Девушка скользнула в палату и осторожно прикрыла за собой дверь. Раздались торопливые шаги. Я щекой ощутил ее взволнованное дыхание. Жанна невежливо ткнула меня в плечо. Я не пошевелился. Над левым ухом зашуршала бумага, заскрипел полиэтилен. Девушка что-то раскладывала на тумбочке. Я осторожно приоткрыл глаза. Большой шприц в тонких пальцах заставил сердце заколотиться быстрее. Приехала из Лондона, чтобы встретиться со мной? Вот так-так!

Жанна схватила мое предплечье и деловито нацелилась иглой в вену. Я перехватил шприц прежде, чем девушка успела вогнать под кожу иглу. Жанна испуганно вскрикнула и отшатнулась. Пластмассовая трубка шприца зашипела в моих пальцах: возможно, от злости я слишком сильно сдавил его. Что же за дрянь «моя девушка» хотела влить в меня?

Я вскочил с кровати, бросил остатки раздавленного шприца в сторону. Жанна завизжала и бросилась к двери. Я перехватил девушку, развернул ее лицом к себе и прижал за локти к стене:

– Ты хотела убить меня? – рычу я сквозь зубы. – Почему? Девушка смотрела на меня совершенно круглыми, абсо-

лютно черными глазами. Вздрогнув, я припомнил, что вчера глаза Жанны были голубыми. Присмотрелся и понял, что зрачок расширился настолько, что почти закрыл собой радужку. Изящные ноздри Жанны раздувались, а рот открылся в немом крике. Она смотрела на меня, но не видела. И в то же время я ощущал чей-то пристальный взгляд, словно некто смотрел на меня через эти черные омуты.

– Кто послал тебя? – голос мой дрожал. Я тряхнул плечи девушки и прикрикнул: – Отвечай!

Я видел, что белки ее глаз наливались кровью. Тело девушки затряслось. На миг зрачки приняли обычный размер. Мутный взгляд заскользил по палате. Удивление, смешанное со страхом, отразилось на смазливой мордашке. Потом она вздрогнула, личико побелело, и тело медленно сползло по стене на пол. Взгляд остекленел. Я облизал сухие губы, присел на корточки и коснулся ее шеи. Зря. Жанна была мертва.

Грудь сдавило тяжелое предчувствие опасности. Я запоздало вспомнил о моем охраннике. Странно, ни звуки, ни крики не привлекли его внимания. Или он тоже замешан в покушении на мою жизнь? Я не знал, кто подослал Жанну. И чем ее накачали, чтобы довести до такого состояния. В любом случае, здесь оставаться опасно. Нужно уходить. Но в таком виде я далеко не уйду. Халатик медсестры на Жанне мне явно мал. Я торопливо осмотрелся в поисках чего-нибудь подходящего. Простыня! Завернусь пока в нее, потом, может, найду что получше.

Подошёл к постели и замер с протянутой рукой. Взгляд упал на поблескивающие разводы на белой простыне. Поручней, удерживающих меня, не было и в помине. А на том месте, где они находились, ткань покрывали кляксы расплавленного металла. Сердце замерло, я перевёл взгляд на запястья. Но кожа там здоровая и чистая. Может, Жанна воспользовалась каким-нибудь средством? Но зачем было меня освободить, а затем убивать? На душе стало противно: а может, она вовсе не собиралась убивать? Обернулся в поисках ампулы, из которой она набирала лекарство в шприц, но нигде нет ничего похожего. В коридоре послышался шум, истошный крик и множество гулких шагов.

Я метнул взгляд на неподвижное тело девушки, потом на окно. Судя по кронам деревьев, наверное, третий этаж, так что прыгать высоковато. Ощущение опасности нарастало. Торопливо схватил простынь, обмотался ею наподобие тоги и выскочил за дверь. Маленький коридорчик, который ведёт от большого к моей двери, пуст... если не считать скрючившегося на полу человека. Склонился и пытливо взгляделся в стеклянные глаза Ромы: зрачки его сильно расширены. Так же, как у Жанны. Парень безусловно мертв. Что ж, это объясняет, что его не привлек шум.

Я осторожно заглянул за угол. Широкий коридор тоже почти пуст. Только на каталке лежит человек с закрытыми глазами. Видимо, кто-то вез больного к лифту, но заметил труп охранника и побежал за помощью. Слева звякнуло. От

неожиданности я подскочил на месте, умудрившись повернуться в воздухе к источнику звука. Но это оказался обычный лифт. Двери медленно, со скрипом разъехались в стороны. Из маленькой кабинки на меня испуганно смотрел очень бледный парень. Светлые волосы взъерошены, странная одежда держится на честном слове. Через секунду я сообразил, что смотрю в зеркало. Зачем его повесили в больничном лифте, непонятно.

Воспользовавшись оказией, я скользнул в кабину и с силой вдавил самую нижнюю кнопку. Двери с шуршанием съехались, отрезая меня от множасьихся в коридоре шагов. Долгие секунды вынужденного ожидания в покачивающейся кабине я не сводил глаз со своего отражения. Карие глаза полны замешательства: так вот как я выгляжу! Тело, наполненное адреналином, требовало движения, руки тряслись, ноги почти подкашивались.

Наконец лифт затормозил. Остановился. Двери медленно поползли в стороны. Не дожидаясь, пока они полностью раскроются, я вырвался из плена маленькой коробки и побежал вперед, не отреагировав на гневный протест невысокой барышни. Стены широкого коридора первого этажа выкрашены в белый цвет, на фоне него почти сливались многочисленные люди в белоснежных халатах. Кроме девушки, которую я чуть не сбил, на меня ровным счетом никто внимания не обратил. Быстрым шагом я направился вперед. Лавируя между многочисленными каталками с пациентами, вни-

мательно заглядывал во все открытые двери. Врачи и сестры мечутся между ними, словно голодные белки в поисках шишек. Один раз меня попытались уложить на одну из каталок, уверяя, что у меня шок. Стоны, крики, отдельные слова превратились для меня в общий гул, и лишь одно слово выделялось: «Авария».

Я вырвался и бросился в распахнутую дверь. Догонять меня никто не стал. Я торопливо закрыл створку и осмотрелся. Обычная больничная палата. Зеленые стены и множество скрипящих коек. Все заняты. Взгляд скользнул по окну. Первый этаж, можно и спрыгнуть. Я шагнул к нему, но ощутил, как с плеча сползает простынь. Видимо, зацепился за что-то полый своеобразной накидки. Быстро развернулся и тут увидел ее. На кровати сидела весьма колоритная старуха и смотрела на меня во все глаза, огромные и черные. Я вздрогнул и отшатнулся, уж больно похожи они на расширившиеся зрачки Жанны и Ромы.

– Тебе нужны ответы, весс! – громким доверительным шепотом сообщила старуха.

Я присмотрелся внимательней и немного успокоился: глаза женщины на самом деле просто от природы темные, да и вид был почти цыганский. Огромный крючковатый нос и мясистые губы напоминали детские картинки про Бабу Ягу. Но при этом от женщины исходило ощущение спокойствия и комфорта. Вдруг захотелось все ей рассказать, уткнуться в теплые колени и попросить защиты. Так, словно мои стра-

хи были лишь ночным видением, фантазией больного воображения. Но, увы, это не так. И два трупа на третьем этаже вполне реальны. Меня еще не поймали лишь потому, что больницу наводнили жертвы большой аварии. И кто знает, как скоро охрана меня обнаружит. Медлить нельзя... тем более, терять время на лживые предсказания цыганки. Подозреваю, что моя симпатия лишь фирменный цыганский гипноз.

– У меня нет денег, – грубо оборвал я и оттолкнул старуху.

Она дёрнула простынь, та окончательно соскользнула с меня. На спинке соседней кровати висели брюки и футболка. Схватил тряпки. Цыганка внимательно следила, как я одеваюсь. Казалось, она ничуть не обиделась.

– Иди в бар «Хоббит», весс, – улыбаясь, произнесла она. – Ищи Мерцану. Она поможет тебе...

– Отстань, старуха, – огрызнулся я, пытаясь натянуть трико.

Обладатель их гораздо ниже меня, голые голени смотрятся смешно. На улице это будет еще более подозрительно, поэтому я закатал низ брючин до колен. Футболка оказалась немного просторнее.

– Дай мне руку, весс, – требовательно заявила старуха.

Я машинально пожал ее сухую ладошку. словно очнувшись, рванул руку назад, но цыганка оказалась удивительно сильной. Она внимательно посмотрела мне в глаза и проникновенно сказала:

– Прикоснись к ней, весс! Она не сможет тебе отказать...

Я ощутил в ладони неприятное покалывание и дернулся еще сильнее. Руки наши словно склеились. Запаниковав, я закричал на старуху:

– Пусти, ведьма проклятая!

– Что вы делаете?!

Я и не заметил, как в палату вошла медсестра. Совсем молоденькая, скорее всего, практикантка. Поднос, который она несла, с режущим звоном упал на пол. Девушка, не обращая на него внимания, бросилась ко мне:

– Немедленно оставьте ее в покое!

– Оставить в покое? – в собственном смехе я ощутимо различаю нотки истерики. – Как?!

– Как вам не стыдно издеваться над бедной старушкой, – веснушчатая медсестра вырвала из моей руки сухонькую ладошку и осторожно положила руку цыганки на кровать.

– Да она сама ко мне пристала, – я смутился.

– Вандал! – безапелляционно заявила практикантка. – Как она могла пристать к кому-то? Она же в коме! И вообще, что вы здесь делаете?! Убирайтесь из реанимации!

Я расширившимися глазами посмотрел на бледное лицо старушки, закрытые веки, трубку капельницы, вытянутое под простыней бездвижное тело. Беспомощно огляделся. Девушка в это время пыталась выставить меня за дверь и уже угрожала позвать охрану. Это меня отрезвило. Толкнул ее и бросился к окну. Широкий подоконник скользкий, старый

шпингалет едва поддался.

Распахнул окно, зимний холод тут же неприятно впился в кожу. Прыжок, жесткий треск ломающегося наста. Не обращая внимания на глубокие царапины на голых лодыжках, выбрался из сугроба и помчался к высокому забору. Кошкой перемахнул через него и оказался на утоптанной дорожке, посыпанной грязным песком. Парочка испуганно вскрикнула и метнулась в сторону. Не обратив на них внимания, я побежал. Словно во сне, не разбирая дороги и не обращая внимания на усталость и холод, неся куда глаза глядят.

Но рано или поздно все кончается. И заряд адреналина закончился в один момент. Я встал, как вкопанный. Ступней не чувствую, колени подкашиваются. Где я и что вокруг – неизвестно. Все скрывали огромные цветные пятна. Уличный шум волнами прибоя полностью накрыл меня. Откатываясь, он оставил лишь щемящее ощущение беспомощности. Не выдержав очередного натиска, упал на колени. Завалился на бок, голова неловко откинулась. Свист и визг погрузили в мутное небытие, центром которого был трилистник, поблескивающий металлом.

Глава 6

Кострома 4 сентября 2007

Судорожный вздох, кольнуло в груди. Открываю глаза и в полном недоумении смотрю в синий экран телевизора. Справа раздавался противный треск. Повернулся. Тело дернулось, я скривился от боли, пронзившей спину и шею. Наушники, источник неприятного шума, валялись рядом. Щёлкнул выключателем. Тишина.

Спать на полу мне не привыкать, конечно, но сейчас болит все, до кончиков пальцев. Сколько же я играл? Приподнялся, скользнув взглядом по комнате в поисках часов. Пустые пачки из-под чипсов, пол усыпан крошками, яркими пятнами выделялись кляксы от газировки. Я поморщился: ну и помойка!

Вспомнились детали сна. Трупы, старуха-ведьма, и, кажется, я сам в конце погиб в аварии. Готовый сценарий для третьесортного сериальчика, жаль, не могу переключить канал своих снов. Захотелось курить, но сигарет не было. Я вздохнул и подошел к окну, взвизгнули шторы, открывая вид на хмурый двор. Набухшие от тяжести тучи опустились почти к кромкам деревьев, затейливая рябь в лужах жаловалась на сильный ветер, который уныло гнул податливые ветки. Хотя бы не льет.

Я задернул шторы, комната вновь наполнилась теплом и уютом, словно осенняя хандра тоже явилась частичкой гротескного сна. Кажется, я вчера обнаружил туалет за этой дверью. Или не за этой: ровные ряды одежды, приятно пахнущие новизной, подсказали, что я обманулся. Или не вчера... сколько же часов я провел за игрой? А гардеробчик у меня как в кино – отдельная комнатка! Вот еще одна дверь. Ага! То, что искал!

Ванная комната встретила нового хозяина приятной теплой влажностью. Огромная угловая ванна широко улыбалась, не скрывая металлические скобки. Скорее всего, это хваленое джакузи. Немедленно возникло желание проверить догадку. Скрипнул кран, и помещение наполнил славный шелест воды. На блестящей этажерке красовались пузатые флакончики. Я наугад сыпанул в ванну фиолетового порошка и с наслаждением вдохнул приятный аромат. В памяти возник образ милой девочки с золотыми косичками. От ее волос пахло лавандой. Красивую и скромную, ее удочерили через год после того, как мы подружились. Ностальгия мертвой хваткой сжала сердце. Помотал головой, стараясь избавиться от щемящего чувства. Воспоминания должны остаться там же, где произошло и само событие. В прошлом!

Долго разбираться с управлением не пришлось, всего-то две кнопки: включить да выключить. И фиговину покрутить, чтобы выбрать мощь бурления. Наслаждению мешало лишь назойливое желание покурить. Ну почему Карл за-

претил это? Промолчи он, и я бы не вспомнил о сигаретах! Не приемлю зависимость, и поэтому устраивал себе долгие перерывы, испытывал, сколько продержусь. Правду говорят: запретный плод сладок. Где бы взять курево?

Вытираться не стал, тело любовно обнял белоснежный халат моего размера, ступни удобно приютились в мягких тапочках. На многочисленные флакончики парфюмерии взглянул с недоверием: ненавижу резкие запахи! Ощущая себя самым последним метросексуалом, величественно вывалился из ванны. И оторопел.

Комната буквально лучилась чистотой. На ковре ни крошки, на блестящих подоконниках ни пылинки, шторы аккуратно подвязаны ленточками, позволяя одиноким лучикам осеннего солнышка бродить по идеально разложенной на кровати одежде. Исчезли разбросанные диски игр, а коробочки сложены аккуратной стопочкой. Значит, в доме есть прислуга. Что ж, это радует – всегда терпеть не мог уборку!

Напялив новые шмотки, покосился на джойстик, хотелось вновь окунуться в мир грез. Вздохнул и отвел глаза: игромания тоже своеобразный наркотик. Взгляд упал на сервировочный столик, техногенным верблюдом застывший перед телевизором. Роли горбов с блеском исполняли две полусферы с резными деревянными ручками. Приподнял одну, в нос ударил пряный запах печеной курицы. Пальцы разжались, и крышка со звоном грохнулась обратно на тарелку. Завтрак в постель?

Может, Карлу выгодно, чтобы новоявленный сыночек сиднем торчал в своей комнате и не мешался под ногами? Ну уж нет! Я решительно повернул ручку двери, та распахнулась. Вздохнул с облегчением: не заперта, и это хорошо. Быстро огляделся: коридор пуст. Мягкий свет ламп золотил узорчатые обои и лепил тени за узкими столиками, расставленными вдоль стен. Мертвая тишина ватой лезла в уши.

Аккуратно прикрыл дверь и на цыпочках прокрался к лестнице, красная дорожка отзывалась отчетливо слышным хрустом на каждый шаг. Ладонь обхватила перила, шея вытянулась, я осторожно осмотрел пустынный холл. Осознание того, что я, скорее всего, один в огромном доме, вызвало странное ощущение, щедро сдобренное страхом. Что это? В памяти была лишь одна болезнь, связанная с помещениями – клаустрофобия. Но больной не терпел замкнутого пространства. Может, у меня боязнь больших домов?

Обошел весь второй этаж: ни прислуги, ни хозяев. Над самой лестницей, за высокими двойными дверьми, обнаружился огромный зал, словно Карл периодически устраивал балы. Невысокий подиум заставлен множеством стульев с изогнутыми ножками и атласной обивкой. На некоторых лежали скрипки. Много скрипок! Четыре из них почему-то крупнее остальных. Рядом в трех красивых подставках из резного дерева покоились инструменты, похожие на контрабас, только чуть меньше. Сам контрабас чуть в отдалении рядом со странным маленьким роялем на золотистых изогну-

тых ножках.

Я бродил между стульями, кончики пальцев осторожно трогали лаковое дерево инструментов. Возможно, эти скрипки старинные. Странное чувство завладело мной. Вживую я видел лишь шестиструнную старую гитару да расстроенный рояль. А сейчас мне казалось, что я прикасаюсь к живой истории. Очень тихо, на цыпочках, вышел из зала и тщательно прикрыл двери.

Скромная дверь комнаты в левом крыле, похоже, точная копия моей, заперта. Возможно, там скрывается таинственный кабинет хозяина. Именно в эту сторону вчера ушел Карл и следом Виктор. Я долго прислушивался, прижав ухо к прохладному дереву. С той стороны не раздалось ни звука. Потом коридор поворачивал направо, там обнаружилась узкая лестница наверх.

Спустившись, заглянул налево. Отсюда вышел вчера охранник с коробкой. Белоснежная кухня с огромной барной стойкой сверкала практически больничной чистотой. Холодильник набит до отказа всякой всячиной. Задумчиво схватил яблоко, дверь мягко захлопнулась. Зубы вонзились в сочный плод, а в голове крутились многочисленные вопросы, на которые мне, похоже, никто не собирался отвечать. Напротив кухни за высокими дверьми скрывалась огромная библиотека. Стройные ряды книг на многочисленных полках вызывали скорее ужас, чем уважение. Широкий дубовый стол был пуст, пара кресел, наоборот, завалена растрепан-

ным печатным словом. И ни души, как везде...

Нужно бы обойти и третий этаж, но тут взгляд упал на входную дверь. Заперта ли она? Я быстро спустился, пальцы осторожно коснулись замка незнакомой конструкции. Странное устройство. Нажал на выступ, раздался громкий щелчок. От неожиданности я вздрогнул, едва заметная щель подсказала, что путь свободен. В нос ударили запахи прелых листьев и мокрого асфальта.

– Решил прогуляться?

Сердце сжалось, я ощутил цепкий взгляд еще до того, как увидел Карла. Локти его опирались на перила второго этажа, черные глаза следили за каждым моим движением. Я ощутил себя вором, которого застали на месте преступления. Вырвалось:

– А что, нужно просить разрешения?

Голос прозвучал подчеркнуто враждебно, я приготовился защищаться.

– Не обязательно, – Карл выпрямился. Я с неприязнью отметил клетчатые тапки и безупречно отглаженные брюки. Хозяин тем временем с невозмутимым видом медленно спускался на лестнице. – Тебе можно все... за исключением того, что я сказал два дня назад. Помнишь?

– Помню, – мрачно отозвался я. И тут до меня дошло сказанное: – Два дня?!

– Ну да, – мужчина кивнул, рука его плавно скользила по перилам. Тонкие губы на миг исказила ехидная усмешка: –

Ты не выходил из комнаты два дня. Я уже начал беспокоиться.

– Если бы беспокоился, – недовольно проворчал я, – проверил!

Карл неожиданно мягко улыбнулся, я невольно отшатнулся, затылок ударился о косяк. Смена маски казалась такой же естественной, как цветущая сирень на айсберге. Пальцы нащупали небольшую шишку.

– Я уже сказал, – проникновенно молвил Карл, – что это твоя территория. И никто не побеспокоит тебя там.

– Даже так? – растерянно протянул я, поскольку давно уже привык к постоянному контролю со стороны взрослых.

– Даже так, – отрубил он, лестница кончилась, кисть мужчины безвольно повисла вдоль тела. Лицо приняло привычное выражение манекена. – А теперь, прошу, закрой дверь. Дует! – И повернулся в сторону кухни.

Я растерянно потянул ручку, дверь обиженно шелкнула, закрываясь. Немного потоптался у порога. В голове вихрились различные предположения. Но в целом, должен признаться, слова Карла мне нравятся. Только сейчас до меня стало потихоньку доходить: я богат и свободен! «Почти», – услужливо добавил внутренний голос. Лишь три запрета. Опять чертовски захотелось курить. Со стороны кухни донеслось надрывное жужжание. Руки юркнули в карманы спортивных брюк, я нехотя пошел следом за хозяином. Тот тряс небольшую кофемолку – коричневый порошок сы-

пался в квадратное отверстие большого черного агрегата.

Я притулился на краешке высокого барного стула. Длинные тонкие пальцы Карла порхали над столом, напоминая то ли фокусника, то ли дирижера. На подносе уже красовались бутерброды с красной икрой и тонкие ломтики дырявого сыра. Довольное урчание кофеварки окутывало уютом, запах свежемолотого кофе приятно щекотало ноздри.

– Перекусишь? – с безразличием спросил хозяин, щедро поливая тосты тягучим янтарем меда.

Вместо ответа я стянул бутер с икрой. Мужчина поставил на стол две дымящиеся чашечки, я притянул ту, в которой белым облаком красовалась шапка взбитых сливок. Горсть кубиков сахара утонула в горечи, вызвав целое извержение пены на блестящую поверхность столешницы. Я с вызовом покосился на Карла, но тот и бровью не повел.

– Какие планы? – с деланным безразличием спросил я.

Кофе оказался необыкновенно вкусным, не то, что из пакетика! Но вызвал еще более сильное желание закурить.

– Мне нужно работать, – Карл аккуратно поставил полупустую чашку.

Тонкие пальцы перебрали стопку салфеток, самая белоснежная удостоилась чести промокнуть тонкие губы хозяина.

– А я? – напряженно уточнил, нервно размазывая кофейную лужу кусочком сыра.

– А ты, – Карл убрал мою руку со столешницы, – достаточ-

но взрослый, чтобы самостоятельно распланировать день.

Я растерянно смотрел на спину удаляющегося мужчины.

– А где Виктор?

– Занят, – коротко ответил тот.

– Э... а женщина? Как, ты сказал, ее зовут? – громко спросил я, бросившись за хозяином.

Стул с грохотом повалился на белоснежный кафельный пол.

– Занята, – бросил Карл, быстро поднимаясь по лестнице.

– Оригинальная кликуха, – пробурчал я, оставшись в одиночестве.

Предоставленный самому себе, растерянно огляделся. Разумно было бы вернуться в свою комнату, развлечений там хватает. В доме же я не заметил ни единого телевизора... и даже простого радио, словно Карлу все это совершенно без надобности. Оглядел себя в зеркале. В фирмаче даже моя худоба выглядела вполне спортивно. Захотелось прогуляться, подышать свежим воздухом, раз невозможно пустить в легкие пару доз никотина. Взгляд зацепился за отражение пиджака Виктора, что аккуратно висел на плечиках рядом с входной дверью.

Я машинально развернулся, паркет тихо скрипнул под босыми ногами, пальцы рук пробежались по темной ткани. Курева, разумеется, нет. Жаль. Зато в ладони хрустнула серо-голубая бумажка. Может, смотаться до ближайшего магазина, раз я такой свободный? Вот и планы на день... Внут-

ренный голос с напоминанием трех правил решил проигнорировать. Радостно щелкнул замок, я жадно вдохнул свежий воздух и вышел на улицу.

Облака прорезали острые клинки солнечных лучей, обнажая на короткое время невыносимо-синее небо. Порывистый ветер злобно набрасывался на неподвижные конусы странных деревьев на идеально ровной лужайке. На фоне этого шумные пожелтевшие березки там, за забором, казались чем-то чужеродным. Ноги повернули налево, гравий загадочно шуршал в такт моим шагам, порывы ветра невежливыми пинками подгоняли вперед.

Повернул за угол. Картина не изменилась: ровный чистый газон, остроконечные деревья и сереющий вдаль забор. Торцев здания был абсолютно слеп: ни единого окошечка! Обогнул дом и сразу увидел лимузин. Белоснежный красавец сверкал чистотой под редкими лучиками солнца. Широкие ворота распахнуты настежь, приоткрывая тайну левого крыла – гараж! Скромная дверка навела на мысль, что в гараж запросто можно попасть напрямиком из дома, не утруждая себя долгой ходьбой по мокрой лужайке.

Большое пустое помещение удивило шикарными шторами на окнах. Точно такие же украшали окна гостиной и моей комнаты. Я понимаю, что дизайн выдержан во всем доме до мелочей. Но здесь же копоть, бензин и прочая химия. У богатых свои причуды! Одиноким металлический стеллаж завален шинами и автокосметикой. Я пожал плечами и раз-

вернулся к выходу. Острая боль тисками сжала нос.

– Ой-ой-ой! – вскрикнул я.

Надо мной скалой навис Виктор. Сквозь слезы, выступившие от боли, я увидел закатанные рукава белоснежной рубахи и волосатые руки, поскольку охранник крепко сжимает мой нос.

– Чего шляешься? – в голосе мужчины явно слышалась угроза.

Ноздри раздувались, узкие щелки глаз ощупывали меня с головы до ног. Он выглядел словно дикий самец, на территорию которого осмелился проникнуть нежеланный гость.

– Нычо, – промычал я, пытаюсь высвободиться. Виктор соизволил разжать пальцы. Я обиженно потер ноющий нос: – Просто гуляю... Карл сказал, что нельзя за ворота, а по территории можно везде!

– Раз сказал, значит можно, – немного смягчился охранник.

Наклонился и подхватил ведро. Грязная вода билась об алюминиевые края, но выплескиваться на пол не решалась. Я бы на ее месте тоже поостерегся.

– А шлангом было бы легче машину-то мыть, – словно миомоходом, обронил я и дружески похлопал Виктора по спине.

То есть, мог бы, если бы достал до спины, а так пришлось хлопнуть по пояснице. Охранник резко остановился, явственно скрипнули зубы. Едва сдержавшись, он все-таки ушел в сторону дома, скрипнула серая дверь.

Я ухмыльнулся и подбросил на ладони блестящую связку ключей. Этому фокусу я учился почти месяц. Поначалу часто бывал бит, зато каков результат! Лимузин призывно блестел тонированными стеклами, словно девица свободно поведения, подмигивал габаритами, сияющими в лучах осеннего солнца.

Не заставляя себя ждать, я решительно направился к двери со стороны водительского кресла. Такую шикарную тачку мне еще не доводилось водить. Озорство завладело мной, эйфория затмила разум. Поворот ключа, и мягкий шум двигателя нежно шепчет непристойные предложения. Рычаг ручника послушным псом лег на место, руль легко повернул длинный автомобиль по гравию в объезд дома. Мне уже было все равно, что скажет Карл, мысль прокатиться на лимузине до ближайшего ларька занимала всего меня.

У ворот я притормозил и выскочил из автомобиля, следуя в ту же сторону, куда три дня назад направлялся Виктор. Устройство быстро обнаружило себя красным блеском яркой кнопки. Рядом я нащупал круглое углубление, куда прекрасно поместился железный брелок, висевший на ключах для машины. Одновременно нажал яркую кнопку, ворота послушно поползли по направляющим. Все просто!

Шмыгнул за руль, стопа привычно легла на педаль газа. Зеркало заднего вида услужливо подсказало, что ворота закрылись за мной автоматически. Может, они настроены на какое-то время, необходимое для того, чтобы лимузин про-

ехал беспрепятственно? Тогда с гостями была бы проблема... Впрочем, забивать голову абсолютно не хочется, а хочется наслаждаться ездой. Педаль ушла в пол и... машина заглохла. Я озадаченно покрутил ключ зажигания, понажимал на педали, но лимузин не реагировал. Стрелка показывала значительное количество бензина. Странно...

Я вылез, задумчиво осмотрел машину, попытался открыть капот. Ничего не выходило. От злости пнул колесо. И машина поехала. Несколько секунд я озадаченно следил за тем, как лимузин сам сдает назад. Может, здесь склон? Нет, дорога абсолютно ровная. Скорость невелика, я запросто догнал механического коня. Подергал ручку двери, пытаюсь проникнуть внутрь. Не открывается. Ключи, разумеется, оставил в замке зажигания. Совершенно растерянный, потопал за лимузином обратно к дому.

Ворота! Лимузин же сейчас врежется! Я бросился вперед, пытаюсь найти какую-нибудь кнопку вызова или переговорное устройство. Но тут случилась еще большая странность: кованые створки медленно открылись, впуская автомобиль. Такое ощущение, словно и ворота, и лимузин – просто игрушки на дистанционном управлении. Ворота уже медленно закрывались. Я секунду помедлил, разрываясь в сомнениях, но все-таки побежал за машиной, звучный щелчок за спиной положил конец краткой минуте свободы.

Лимузин, не изменяя ни скорости, ни направления, двигался к дому, я же уныло шагал следом. Разумеется, пред-

чувствия меня не обманули: на асфальтовой площадке перед домом ждал Карл. Рядом переминался с ноги на ногу донельзя мрачный Виктор. Я сглотнул, подбородок задрался, в груди привычно разлилось настроение «все по барабану», которое всегда тушило страх и вину. Лимузин остановился, а я вышел вперед.

Карл протянул руку и требовательно щёлкнул пальцами:
– Если тебе нужны деньги, просто попроси.

Видимо, техника в доме все-таки присутствует, иначе как бы он узнал о краже без скрытых камер. Я стиснул зубы, пальцы вытянули из кармана смятую бумажку. Хозяин протянул купюру охраннику. И заветная тысяча исчезла в кармане черного пиджака, который теперь красовался на громиле. Виктор обошел авто, ручка дверцы послушно открылась, хлопок, и лимузин зашуршал гравием, поворачивая в гараж.

Карл спокойно наблюдал за мной, руки его скрылись в карманах домашнего халата. Видимо, ждал объяснений.

– Мне скучно, – я решил подавить на жалость. – Не с кем поговорить, погулять...

– Куплю тебе собаку, – спокойно ответил мужчина.

– Лучше подружку, – усмехнулся я.

– Я подумаю, – серьезно кивнул Карл и зашел в дом.

Я поежился под порывом осеннего ветра. Вылазка провалилась, гулять по двору не хочется, в гараж меня сейчас и танк не затащит... Конечно, я направился следом за строгим папочкой.

Карл уже успел раствориться где-то в доме. Я заглянул на кухню, все снова сверкало стерильной чистотой. Странно, прислуги не видно, Виктор при гараже, не сам же хозяин убирается? Может, тут найдется то, что поможет забыть о неудачном приключении? В поисках бара я обшарил все полки, но не обнаружил даже банки пива! После обыска осталось ощущение чего-то неправильного. Обернулся, пытаюсь понять, что же меня так раздражает. Взгляд ни за что не зацепился, но чувство лишь усилилось.

В полном расстройстве поднялся к себе в комнату и плюхнулся в мягкое кресло. Темный прямоугольник экрана манил, но я отмахнулся. Тревожно на душе, сам не знаю почему. Кроссы с глухим звуком упали на ковер, сверху носки, пальцы ног с наслаждением зарылись в мягкий ворс. Сервировочный столик стоял рядом, точно на том же месте. Захотелось чего-нибудь мясного, но можно пощипать и курочки. Я приподнялся, пальцы ухватили металлический шарик. Крышка с грохотом покатила по полу. На блюде, издавая умопомрачительный запах, красовался мясной рулет. Разваристая греча подчеркивала золотистую корочку, извивающиеся струйки пара скользила по поверхности мгновенно запотевшего стекла.

Но я минуту назад был на кухне и не заметил ни единого признака того, что там готовили еду! Да и полки... они почти пусты! В холодильнике колбаса, молоко, соки, мороженое. Ни мяса, ни крупы, ни соли, ничего нет! Да что там! На

кухне не было даже раковины. Вот что странно. Но все чисто, посуда сверкает, как новая, на столешнице ни крошки, ни пятнышка. Можно предположить, что есть другая кухня, для прислуги. Я же обошел весь дом... разве что кроме правого крыла.

Да, кухня абсолютно чистая, даже белоснежный кафель не выдал моих следов. А ведь я бродил по грязному гравию, по мокрой траве. Я согнулся пополам, пальцы коснулись белых кроссовок. Чистейшие, словно совершенно новые.

Уютное кресло обиженно скрипнуло, расставаясь с теплым телом. На месте усидеть совершенно невозможно, шаги нервно мерили комнату. Напротив телевизора я замер, схватил стопку, коробки одна за другой с шумом повалились на ковер. Мечтал, мечтал, всегда хотел... Ни единой игры, которая мне не интересна! Кто мог знать меня так хорошо? Да никто! И белоснежный халат, и джакузи... Молния догадки на миг осветила ком предположений.

– Бред!

Вырвался нервный смешок. Но и машина, которая ездит сама по себе, и отсутствие следов на кафеле прекрасно вписывались в фантастическую версию. Чувствуя себя полным идиотом, подхватил с пола крышку и закрыл блюдо. Что бы такого захотеть? Папайи! Понятие не имею, что это и какая она на вкус, но, однажды просмотрев старый американский мультик, решил как-нибудь попробовать. Поднял крышку, рука сильно дрожала.

На блюде красиво уложенная нарезка, кусочки желто-оранжевого цвета. Запах малины распространился по комнате. Машинально отправил один в рот. Что же, вполне приятный сладковатый, но непривычный вкус. Только это не главное. Мясного рулета вместе с запахом и гречкой и след простыл!

– Бред! – повторил я, крышка с грохотом плюхнулась на тарелку.

Огляделся, меня охватывает легкое безумие. Сорвался с места, руки хватали все подряд, стремясь внести как можно больше беспорядка. Летели подушки, одежда из шкафа валялась на пол. Со всей силы пнул столик в сторону телевизора, а сам зажмурился от страха. Но остановиться уже не мог. Вскоре в комнате воцарился полный хаос. Ощущая сильное сердцебиение, медленно поплёлся в ванную комнату, дверь мягко захлопнулась, но моя рука осталась лежать на ручке. Раз, два, три – открываю!

– Бред! – промямлил я и опустился на пол.

Язык не ворочался, перед глазами плыли цветные круги. Комната сияла абсолютной чистотой, диски снова аккуратной стопочкой лежали на столике рядом с целехоньким телевизором, постель тщательно заправлена, ни единой складочки, сервировочный столик заставлен тарелками с серебристыми крышками. Ткань реальности трещала по швам, привычный мир разваливался на куски. Захотелось выпить. На четвереньках пополз к стеклянному столику, из горла выры-

вался хрип, от которого по коже бегут мурашки:

– Пива!

Под крышкою обнаружился стакан, полный золотистой жидкости. Я жадно приник к краю и чуть не захлебнулся от неожиданности. Яблочный сок! Стакан выпал из ослабевших пальцев, щедрыми мазками затемняя ковер. Смех, вырвавшийся из груди, подозрительно смахивал на истерику.

Кажется, я действительно попал в сказку. И кто же сам Карл? Чародей, колдун или простой экстрасенс, в существование которых я тоже не очень-то верил, считая людей с так называемыми паранормальными способностями обыкновенными шарлатанами. И для чего ему нужен я? Попытался вспомнить какие-нибудь фильмы фэнтези. Воображение услужливо показало несколько кровавых сцен жертвоприношения. Тогда становится понятно, почему он меня усыновил заочно. Лицо онемело, я помотал головой, пытаюсь избавиться от накатившего страха.

Но если предположить, что я не жертва... Была какая-то картина про мальчика, которого колдун сделал своим учеником. То ли маг не мог иметь детей, то ли не хотел. Очень похоже. И дамочка куда-то запропастилась. Скорее всего, она была нужна лишь для того, чтобы создать видимость семьи. Интересно только, заколдовал ли ее хозяин, чтобы слушалась, или же сам создал живую куклу.

Вспомнился момент, когда меня тянуло к лимузину. Да, скорее всего, заколдовал. И меня заколдовал, чтобы не со-

противлялся и не задавал вопросов. А я-то подумал, что все померещилось! Что же мне теперь делать? Как узнать, жертва я или ученик?

Думать на четвереньках было неудобно, поднялся, ноги понесли меня к окну. Тяжелая ткань занавески послушно скользнула в сторону. Картина на улице не изменилась, пустота и ветер, разве что, солнечных корабликов, плывущих по живому морю травы, стало больше. Дурак! Какой ученик? Карл всячески ограждает себя от моего общества, заваливает развлечениями и хочет лишь одного – чтобы я сидел в комнате и не мешался под ногами. Тщательно задёрнул шторы.

Страх сжал горло. Не хочу ничего решать, ни о чем думать! Чем я заслужил такое? Почему это произошло именно со мной? Губы растянулись в усмешке. Я как поросенок, которого откармливают к празднику. Конечно, зачем Карлу меня ругать или воспитывать, скоро он избавится от приемного сына и купит себе нового в ближайшем приюте. Благо и денег достаточно, и система позволяет обойти закон. И никто не спросит, а куда он дел предыдущего. Сколько их было до меня, вот в этой комнате?

Осознаю, что подвываю. Ну уж нет, никто не увидит моего страха! Где находятся эти пресловутые камеры, не знаю, может, и в туалете. Медленно, чтобы не выдать дрожь, пошёл по ковру. Едва добравшись до кровати, бросился на постель и нырнул головой под подушку. Руки прижали приятную мягкость к ушам. Совсем как в детстве, сразу стало спокойно,

дыхание выровнялось, мысли разбежались в стороны. Лишь тишина и темнота окружали меня, мои самые верные друзья.

Глава 7

Москва 17 января 2008

Яркий свет слепил даже сквозь сомкнутые веки. Я зажмурился еще сильнее и болезненно сжался в комок. По телу пробежала судорога. Электрическим током пронзив конечности, она застряла в пальцах и растворилась онемением. Желудок скрутило в рвотном порыве, горечь заполнила рот, струйкой скользнула по губам. Я закашлялся и повернул голову, пытаясь освободиться от неприятных ощущений.

– Тише, тише, – успокаивающе произнес некто рядом.

Теплые сильные руки сжали плечи, заставив меня лечь. Под щеку легло сухое полотенце, избавив от мокрого прикосновения к собственной желчи, которая вышла вместе с рвотой.

– Постарайтесь поспать, – тот же самый незнакомый мужской голос. – Вы в безопасности...

Опасность и безопасность для меня были одинаково безразличны сейчас. А вот теплое одеяло, укутавшее плечи, мягкость матраса, по которому блаженно растеклось усталое тело, комфорт и сухость убаюкивали эффективнее любого снотворного. Сумрак свистящим шорохом жалюзи отсекал последнее, что соединяло меня с бодрствующим миром.

Проснувшись, я вздрогнул и резко распахнул веки. Хруст

наста, холодный воздух, разрывающий легкие тысячами льдинок, свист и темнота разом нахлынули сдавливающими воспоминаниями. Тело вновь судорожно сжалось, словно в ожидании удара. Грудина отозвалась ноющей болью. Я вспомнил: да, удар был. Не смертельный, но очень неприятный. Свист, дорога, удар – все указывало на то, что я попал в аварию. Но проснулся не в больнице.

Полутемную комнату заполняло множеством вещей, значение большей части которых мне представлялось весьма туманным. Стены увешаны различными масками, некоторые практически в человеческий рост. С потолка свисали трубки, неизвестные предметы, более похожие на какое-то загадочное оружие, а также чучела небольших птиц и зверушек. Вдоль стен в беспорядке нагромождены сундуки, ящики и коробки. Поверх них валялись пыльные покрывала и предметы одежды. Более всего это смахивало на большую кладовку или единственную комнату заядлого путешественника, которому лишь нужно провести ночь перед очередной дальней поездкой да сгрузить сувениры из предыдущей. Эту же теорию поддерживал добротный матрац, на котором я спал. Лежал он прямо на полу. Подушкой служило свернутое покрывало. Небольшое махровое полотенце с трудом скрывало коричневое пятно.

Я поморщился и сел. Голова гудела и весила, казалось, тонну. Явное сотрясение мозга. Я потер виски и прокашлялся. Грудина тут же отозвалась острой болью. Может, у меня

еще и внутренние повреждения? Что же произошло? Почему я здесь?.. И где, собственно, это «здесь»?

Откинув в сторону клетчатое одеяло без пододеяльника, я осторожно привстал, постоянно прислушиваясь к ощущениям. Кажется, кости целы. Кожа на голених содрана так, словно я подрался с большой кошкой. Царапины немного саднило. На мне все те же растянутые трико и футболка, которые я стащил из больницы.

Осторожно поднялся, стараясь разгибаться как можно медленней, но голова все равно немилосердно кружилась. Подавив приступ тошноты, я шагнул к обшарпанной двери и взялся за ручку. Та не поддавалась. Для верности дернул сильнее, но результат тот же. Дверь оказалась заперта. Уткнулся горячим лбом в старое дерево. Поверхность отозвалась глухим звуком, прохлада скользнула по коже. Я вздрогнул и повернулся в сторону, откуда ощущался сильный сквозняк. Там тоже была дверь. Я ее не заметил сразу лишь потому, что она оклеена обоями в тон стене. Ручка на ней обычная, без замка.

Опираясь на пыльные ящики, я шагнул ко второй двери и навалился на нее всем телом. Дверь распахнулась сразу же, жалобно скрипнув петлями. Я почти выпал в свет, окутавший со всех сторон. Медленно опустился на колени, прижал ладони к глазам и застонал. Когда глаза привыкли к пронизывающе ярким лучам, осторожно оторвал руки от лица. Да так, на коленях, и замер.

Я оказался в огромной комнате... даже скорее зале. Высокие белоснежные своды убегали высоко вверх, огромные окна украшены затейливыми витражами. Солнечные лучи острыми клинками врываются в комнату, окрашиваясь в багровые, синие, желтые тона и, роняя на пол радужные капли, танцевали на роскошной лепнине, скользили по вмурованным в стены колоннам и в истоме замирали на античных статуях. Редкие образчики старинной мебели сиротливо жались друг к дружке, дабы не потеряться в бесконечном пространстве, заполненном игрою света.

Я даже оглянулся, чтобы убедиться в реальности маленькой пыльной комнатки, из которой только что вышел. Разница была настолько ошеломляющей, что я ощутил себя маленькой девочкой Алисой из старой детской сказки. Эта мысль и вернула на землю: я иронично усмехнулся. Хвала небу, я не девочка... да и не ребенок давно. А вот насколько давно, так и не вспомнил. Тут же дала о себе знать головная боль.

Скорчился и снова потер виски. Еле дополз до старинного кресла с изогнутыми ножками и плюхнулся в него, не обращая внимания на протестующий скрип изысканной аристократической мебели, которую я только что осквернил прикосновением грязных растянутых штанов пролетариата. Рядом находился изящный столик, на котором гордо сверкал гранями хрустальный графин в окружении пузатых стаканчиков. Я наклонился, вытащил белую пробку и понюхал ян-

тарную жидкость. Алкогольный дух почти нокаутировал меня, заставив закашляться. Виски. Что же, сойдет. Я щедро плеснул спиртного в стакан, хлебнул. Пустой желудок мгновенно скрутило. Отодвинув стакан, я согнулся в кресле и застонал. Еле сдерживая рвотные позывы, внимательно смотрел на густой ворс шикарного ковра. Впрочем, я так и не испортил его яркие краски. Через минуту спиртное подействовало, тело окутала теплая истома, спазмы прекратились. Облегченно вздохнув, я откинулся на спинку и вновь поднял стакан.

Сколько любовался переливами витражных плясок, вряд ли смог бы сказать. Но графин я уже ополовинил. Боль растворилась в мутном духе дорогих спиртов, пустота в голове прекратила гудеть. Я перестал пытаться вспомнить, кто я такой. Мне и так было хорошо. Даже голод не донимал и только изредка ворчал. В ответ я в очередной раз заливал его порцией виски, и он вновь засыпал, словно пьяный мужик под забором.

Цветные столбы в воздухе обрели яркость и глубину, потом начали прятаться от моего блуждающего взора по быстро темнеющим углам. Было ли это пьяным бредом или действительно наступал вечер, я не понимал. Веки налились свинцом, рука медленно легла на прохладный стол под тяжестью стекла. Шелковая обивка кресла приятно скользила по шее... или это я постепенно сползал на пол? Статуи в углах оживали, воспользовавшись бегством солнеч-

ной радуги. Они обретали лунный блеск, дробились на более мелкие образы, меняли местоположение. Может, это те самые кролики, один из которых подло заманил маленькую девочку в огромную яму? Тогда куда они зовут меня? Хотелось посмотреть, но я не смог даже пошевелиться. Тогда мое собственное тело приподнялось и полетело навстречу пушистым комочкам. Путаясь в комках шерсти, обжигаясь о струи радуги, отбиваясь от взбесившейся мебели, я летел в огромную яму... или это большой туннель? Тогда впереди должен быть свет. Но свет лишь вокруг меня. Или во мне? А кто это – я? Меня давно уже нет...

Глава 8

Кострома 5 сентября 2007

Открыл глаза, сон еще преследовал меня, яростно вгрызаясь в память. Приснится же! Правильно говорят: сны – отражение реальности. И эта история, к гадалке не ходи, явно отражение того, что сейчас со мною и происходит. Звон повторился снова. Я же проснулся! Хватит ужастиков...

И еще раз. Да что же такое?! Повернул голову и увидел на тумбочке рядом с кроватью телефон. Черный прямоугольник отчаянно вибрировал и периодически взвизгивал, зывая к хозяину. Ах да, мой новый телефон, с другим номером и чистой памятью. И кто же это, интересно, меня домогается?

Вата сна отошла на второй план, уступая место щекотке любопытства. Ткнул пальцем в зеленую кнопку, плечом прижал трубку к уху.

– Слушаю!

– И повинуюсь, – от хохота собеседника трубка завибрировала даже сильнее, чем при звонке.

Поморщился, но интерес лишь усилился. Голос незнакомый.

– Кто это?

– Дед Пихто, – невежливо ответил тот. – Или Дед Мороз...

на крайняк, дед Мазай, мой зайчонок. До волка ты еще не дорос...

Начал злиться.

– Что за дурацкие шутки?!

– Где твое чувство юмора, наш новенький серенький? – сурово спросил собеседник.

Очень захотелось сбросить звонок, но внутренний голос во всю глотку завопил, что происходит нечто важное и очень для меня нужное.

– Пропил, – решил ответить я. – Что тебе нужно, дедушка?

– Да вот, решил доброе дело сделать, – голос зазвучал очень серьезно. От такой резкой перемены я ощутил, как по спине побежали мурашки. – Хоть и поплачусь за это. Ты ведь уже большой мальчик, и в добрые сказки не веришь, надеюсь? Вот тебе бесплатная истина: за добро всегда приходится платить.

– Спасибо, – пробурчал в трубку, – я в курсе.

– Умница, – с умилением произнёс он. – Тогда тебе приз! Слушай внимательно! – Я жадно прижал к трубке ухо. – Ищи книгу.

Короткие гудки. Я растерянно посмотрел на телефон, попытался отыскать номер звонившего в журнале вызовов, но тот пуст! Проверил статистику разговоров, но там ноль, словно телефон еще абсолютно новый и ни разу не использовался.

– Ищи книгу, – фыркнул я. – И какую, интересно?! Хоть бы намекнул, доброжелатель хренов.

Вспомнил про камеры. Если они есть, то зафиксировали и разговор. Впрочем, я-то ничего такого не говорил, а звук из телефона трудно уловить, расслышать... если только в самой мобиле не стоит жучок. Так, кажется, я смотрел слишком много шпионских фильмов. События вчерашнего дня сейчас казались как минимум преувеличением. Вполне может стать, что хозяин просто использует новейшую технику. Нанороботы там или просто химия специальная, которая отталкивает грязь. На кухне, скорее всего, стоит посудомойка, просто скрыта от посторонних глаз. Случай с блюдом я вообще решил отнести в разряд видений. Перенервничал просто, вот и померещилось. А книгу все-таки поищу, мало ли что в ней...

С Карлом же буду вести себя, как ни в чем не бывало. Жертва ли я, ученик ли, приемный сын, ситуацию сейчас изменить не могу. А значит, нужно к ней приспособливаться. Уж это мне подвластно, многолетняя практика научила выживать в любых условиях.

После душаки и сытного завтрака, который обнаружился под серебристой крышкой, я напялил джинсы, теплую толстовку и вчерашние кроссы. Через некоторое время осознал, что нерешительно переминаюсь с ноги на ногу перед закрытой дверью. Покидать комнату совершенно не хотелось. Но, увы, ответы на мои многочисленные вопросы сами не при-

дут, так что придется рискнуть еще раз встретиться с моим горячо любимым новоявленным родственничком.

Повернул ручку и осторожно высунулся в коридор. Как всегда, тихо. Дверь мягко хлопнула меня пониже поясницы. Сердце екнуло, я тихо рассмеялся. Сам себя напугал. Это немного отрезвило, и я спокойно пошагал в сторону лестницы, наверху сомнения вновь одолели, покосился направо. Может, еще раз поискать дверь, ведущую в правое крыло? Или попытаться поникнуть туда со стороны улицы? Второй вариант устраивал меня больше, нужно признать, я побаивался Карла и не хотел лишний раз попадаться ему на глаза.

Ступеньки фортепианными клавишами сыграли мелодию быстрых шагов, внизу я быстро огляделся, но никого не увидел. Щелкнул замок входной двери, под ногами влажно зашуршал гравий. Мелкие стрелки дождя царапали лицо, мрачная серость туч строго взирала на меня с высоты, одинокая ворона ругала человека, осмелившегося нарушить ее покой. Хорошо, что нет солнца, стекло окон не будет отражать свет. Подпрыгивая, попытался ухватиться за алюминиевый откос, но мокрый металл подло скользил под пальцами.

Огляделся в поисках какой-нибудь опоры. Ничего подходящего рядом не обнаружилось. Кажется, с другой стороны здания до окон не так высоко. Побежал по шершавому гравию, дыхание вторило шагам, поворот, еще. Сердце пульсировало в кистях и било по вискам, волнение сжимало горло, я подтянулся и прижал нос к холодной гладкости стекла.

Шторы. Для верности я последовательно заглянул во все окна, но результат был одним – плотные шторы не подарили ни одной щелочки, чтобы утолить мое любопытство.

Возвращался очень медленно, злясь на себя, на дождь, на проклятые порядки в доме. Повернул за угол, скрипуче каркнула ворона, я подпрыгнул от неожиданности.

– Ах ты...

Руки нашарили камешек покрупнее, привычно прицелился, снаряд с шуршанием ворвался в ворох листьев, ворона с крикливыми проклятиями улетела прочь. Я проводил ее взглядом и тут заметил движение у ворот, юркнул обратно за угол. Белоснежный лимузин торжественно полз по дорожке к дому, тонированные стекла загадочно поблескивали, скрывая пассажиров, если такие были. Я решил не светиться, угол надежно прятал меня, осторожно выглянул снова.

Автомобиль остановился у входа, Виктор тяжело поднялся с водительского места, зябко поднял воротник пиджака, дверца смачно захлопнулась. Водитель обошел лимузин и открыл заднюю дверь. Вопреки моим ожиданиям, там был не Карл. Виктор вытащил большой куль и закинул на плечо. Глаза мои распахнулись от удивления: в очертаниях свертка явно просматривалась человеческая фигура.

– На самом деле, что ли, мне купил подружку? – тихонько проворчал я. – Хотя, судя по всему, просто украл.

А Виктор поспешно нес куль в дом, оставив дверцу лимузина открытой. Я хотел осторожно двинуться следом, чтобы

узнать, куда он его потащит, но тут из автомобиля вышла моя «мамочка». Хлопнула дверца, над головой женщины, истошно вопя, закружилась давешняя ворона. Но дама не реагировала ни на рассерженную чем-то птицу, ни на усиливающийся дождь. Так и осталась стоять на месте.

– Кукла, – растерянно хмыкнул я.

«Мама» не шевелилась, и даже не мигала. Взгляд широко распахнутых глаз был направлен в сторону главного входа. Хлопнула дверь, Виктор поспешно подбежал к женщине и что-то шепнул. Та медленно направилась к дому, а охранник сел за руль. Лимузин тронулся с места и вскоре исчез за углом левого крыла дома.

Дождавшись этого момента, бросился к входной двери. Почему-то странной женщины я не опасался. Та как раз взялась за ручку, дверь скрипнула, я едва успел скользнуть следом. Не обращая на меня никакого внимания, «мама» повернула в сторону библиотеки. Я бросился следом, но дверью прищемило часть куртки. И пока избавлялся от насквозь мокрой одежды, женщина успела скрыться. Куда же она направилась, в библиотеку? Меня осенило: возможно, там есть потайной ход!

Библиотека встретила неожиданным лучиком солнца, пробившегося сквозь шторы. Я растерянно остановился. И как же искать скрытую дверь? Дробь дождевых капель, музицирующих на окнах, быстро стихала, в комнате на глазах становилось светлее, словно изменчивая погода решила мне по-

мочь в поисках.

– Может, тайный ход выдаст глухой стук? – спросил я у высокого шкафа.

Ровные ряды книг на полках безмолвствовали. Подумал, что говорить с книгами глупо, все равно не ответят. Толстый ковер проглатывал звук шагов, красноватые панели книжных шкафов на стук костяшек отзывались абсолютно одинаковым звуком. Озадаченный, я остановился.

– Ну и как мне его найти? А! Какая-то книга должна открывать вход! Может, как раз про нее и говорил незнакомец!

Пальцы суетливо дёргали корешки книг, сердцем завладел азарт. Вот и вторые полки, третьи, я тянулся все выше. Тут неловко рванул какую-то огромную книгу, следом повалились другие. Пытаясь закрыть руками голову, метнулся в сторону, но нога зацепилась за кресло, уже на полу с ужасом следил, как качается весь огромный шкаф, книги сыпались градом. И тот огромный фолиант все-таки тоже соскользнул с полки. Боль и тишина.

Глава 9

Москва 18 января 2008

Тишина и боль...

Я не мог разлепить глаза, даже мысль об этом казалась чудовищно болезненной. Вокруг все кружилось, вертелось, я с трудом сдерживался, чтобы не заорать от боли.

– Как трещит голова!

– Еще бы, – хмыкнул в ответ смутно знакомый голос. – На пустой желудок вылакать почти бутылку виски! И как такое в голову пришло!

– Есть хотелось, – буркнул я, обдумывая, откуда мне знаком голос.

Я так привык быть отдельно от мира, что с трудом признавал существование чего-то и кого-то кроме меня. Но мир неумолимо надвигался, доказывая свою реальность немислимой, отрезвляющей болью.

– Логично, – рассмеялся мой собеседник. – А теперь тебе наверняка ужасно хочется пить! Может, тогда поешь?

Я фыркнул и осторожно разлепил веки. Сощурившись, посмотрел на говорившего.

Улыбающийся мужик лет пятидесяти выглядел вполне доброжелательно. Рдеющая шевелюра, легкая небритость и домашний халат не вызвали опасений. То, что внешность его

показалась мне абсолютно незнакомой, совсем не удивило. Удивило бы, если бы я его узнал. Перевел взгляд на обстановку. Мы не в кладовке, но и не в шикарной зале, которую я увидел вчера. Обычная комната, широкий диван, мягкий ковролин, громоздкий шкаф и два деревянных стула, на одном из которых стоит тарелка с чем-то дымящимся.

– Суп, – пояснил незнакомец.

И приглашающим жестом показал на тарелку. Я осторожно подошел к краю дивана и взял в руку алюминиевую ложку. Варено с крупными неровными кусками картошки и мяса явно приготовлено мужской рукой, скорее всего – самим хозяином. Но на вкус кушанье оказалось вполне сносным.

Мужик молча ждал, пока поем. Насытившись, я отодвинул тарелку и со вздохом откинулся на спинку, отмечая про себя, как медленно отступает жесткая атака похмелья. Боль в груди ощущалась чуть слабее, чем вчера. Да и голова уже не кружилась.

– Как себя чувствуешь? – словно прочитав мои мысли, спросил незнакомец. – Лучше?

Я кивнул и внимательно посмотрел на него. Спрашивать, как я здесь оказался, нужды не было. Я и так вспомнил. Там, рядом с больницей, когда у меня закончились силы, я упал на колени прямо на дороге и обреченно наблюдал, как быстро приближается машина. Даже успел разглядеть, как водитель в последний момент крутанул руль. Меня лишь чуть заде-

ло бампером. Свет фары, удар в грудь, голова неловко откинулась... Потом только слабые ощущения: наждак асфальта, запах кожаной обивки сидений. Видимо, водитель втащил меня в машину и привез к себе домой.

– Вы меня сбили, – спокойно сказал я.

Он опустил глаза, зачем-то переложил ложку с одного края тарелки на другой, потом снова молчаливо воззрился на меня.

– Почему не повезли в больницу?

Незнакомец мрачно усмехнулся, но не ответил. Я понимающе кивнул:

– Если не хотели связываться, почему не бросили прямо там?

Мужик сел рядом и пожал плечами.

– Честно говоря, и сам не знаю, – задумчиво ответил он. – Я еще ни разу не сбивал пешеходов... И вообще, вожу весьма осторожно. Но тут на дороге появился ты. словно чертик из табакерки! У забора я заметил парочку, испугался. Крикнул им, что сам отвезу тебя в больницу, затащил в машину. Потом вспомнил, что нельзя двигать пострадавших. И испугался еще больше, вдруг я что-нибудь повредил тебе. Ехал практически на автопилоте, все думал – как это со мной могло случиться. А когда остановил машину, понял, что уже у дома.

– Похоже на шок, – кивнул я. – А затем вы спрятали меня в чулан...

– Да. – Он снова отвел взгляд. – Решил, что, если выживешь, все же отвезу в больницу.

– А если нет, зароете в саду? – мрачно хмыкнул я и скорчился от новой волны боли.

Мужик нахмурился, губы его сжались в тонкую линию. Я не понял, то ли обиделся, то ли обозлился на мою пронизательность.

– Ну раз так, – я мучительно пытался найти выход из ситуации. Нельзя было возвращаться в больницу. Да и вообще, светиться сейчас, когда я ничего о себе не помнил и не понимал, что происходит, не хотелось. Вспомнил мертвые глаза Жанны и Ромы. – Раз так, то я, пожалуй, у вас немного задержусь.

– Это зачем? – подозрительно спросил мужик.

– Подлечусь, – усмехнулся я. – Судя по ощущениям, ребра мои целы, возможно, сильный ушиб. Плюс легкое сотрясение мозга. Это все пройдет за неделю-две... нужно просто отлежаться. Да и в больнице наверняка будут вопросы задавать. Может, даже милиция заинтересуется...

– Это что, – он приподнял кустистые брови, – шантаж?

– Это, – я со значением посмотрел в серые глаза, – небольшая компенсация. В конце концов, это не я вас сбил!

– Ладно, – немного поразмыслив, буркнул мужик. – Оставайся.

Он рывком поднялся и шагнул к шкафу. Скрипнула дверца, через которую на диван полетели старые джинсы и тон-

кий свитер.

– Мы примерно одной комплекции, так что должно подойти, – услышал я из-за дверцы. Потом выглянул мой новый знакомый и сунул мне в руки черный комок, оказавшийся носками – хвала небесам, чистыми, – и старые кеды. – Обувь сорок второй.

– Попробую влезть, – проворчал я, покрутив обувку. – Хотя, у меня сорок третий, и кажется...

– Другого ничего нет, – сухо обрубил мужик. – Меня, кстати, Мор зовут.

– С половиной, – озадаченно закончил я.

А про себя подумал, что родители мужика были явно не в себе, когда придумывали имя для деточки. Хотя, я же не знал, от какого оно сокращенное... или вообще – это просто прозвище. Вид у Мора был самый что ни на есть бандитский. Взгляд исподлобья, на правой руке серо-синяя наколка в виде летящей птицы, короткая шея украшена толстой золотой цепью с висюлькой: в овале сверкает бриллиантами латинская буква «Н». Этот знак, копию значка марки на капоте его машины, мне еще долго не получится забыть.

Мор тем временем захлопнул шкаф и вышел из комнаты. Дверь он оставил открытой, и я с изумлением разглядел цветные стекла вчерашней залы. Положив кеды на диван, осторожно встал, стараясь не спровоцировать головокружение, и подошел к двери. Мор уже спускался по изящной витой лестнице, которую я вчера и не заметил. И как он умуд-

рился затащить меня наверх?! Почему не бросил там, где я уснул... или не отнес опять в кладовку, которая, судя по всему, находится как раз под спальней? Впрочем, действия Мора с самого начала нашего экстренного знакомства не поддавались объяснению.

Хозяин жилья не спеша пересек комнату и вошел в невысокую нишу, в которой оказалась дверь. Поддавшись любопытству, – что еще необычного я увижу? – я начал осторожно спускаться вниз по литому ажурному ступенкам. Каждый шаг давался с трудом, по телу расплзалась слабость, голова пульсировала болью. И я уже не раз пожалел, что затеял спуск, а в голове дятлом стучала догадка – вот почему Мор оттащил меня наверх! Но из чистого упрямства я продолжал спускаться, отчаянно цепляясь за перила обеими руками. Внизу я едва перевел дыхание, как вдруг распахнулась дверца в другой, соседней, нише. В комнату впорхнула невысокая изящная девушка в шикарной белоснежной шубке. В руке ее дымился длинный мундштук. Я поморщился: терпеть не могу курящих девиц, а уж таких выпендрежниц, так вообще на дух не переношу.

Девушка явно меня не заметила. Она что-то щебетала на незнакомом языке, обращаясь к потолку, отчаянно жестикулировала, даже грозно притоптывала ножкой в изящной туфельке. Ножка, кстати, очень даже ничего. Незнакомка продолжала кричать и нервно расхаживать по комнате. Шубка распахнулась, и я получил возможность немного полю-

боваться тонкой талией и высокой грудью: под мехами кроме кружевного нижнего белья ничего не оказалось. Конечно, сигарета немного портила впечатление... как и воздух. Дыма от нее было столько, словно это дымовая шашка! Удивительно, но он не растекался по комнате, а группировался вокруг красавицы почти идеальной сферой.

Завороженный, я протянул руку и прикоснулся к поверхности серого шара. Пальцы ощутили прохладу, дым разлетелся клочьями во все стороны, словно взорвался. Девушка испуганно вскрикнула и, казалось, только что меня заметила. Голубые глаза расширились от ужаса. Возникло ощущение, что она меня узнала и очень испугалась.

Незнакомка поспешно отвела глаза, удивленно огляделась, словно не понимая, зачем она сюда пришла, потом снова воззрилась на меня. Теперь в ее глазах я видел лишь холодное презрение. Она даже брезгливо поморщилась. Несколько театрально, на мой неприятный вкус. Взмахнула руками, при этом сигарета выпала из мундштука и полетела вниз. Я с непонятным мне ужасом проследил за ней, словно за подбитым самолетом, оставляющим в воздухе туманный след. Возникло странное ощущение, что сигарета не просто упадет, а врежется в пол и взорвется.

Впрочем, ожидаемого взрыва так и не произошло. И сигарета, и сама девушка неожиданно растаяли в воздухе. Я тупо разглядывал, как клочья дыма медленно оседают на яркий рисунок ковра. Дверка, в которую только что ворвалась де-

вица, снова закрыта. Из соседней выглянул мой знакомый и позвал:

– Ну раз сполз, иди сюда!

Я поплелся туда, по пути обдумывая, что спровоцировало галлюцинации: сотрясение мозга или переутомление. Через нишу я попал в маленькую кухоньку. На заляпанной плите стояла кастрюля, из которой торчала ручка половника, в старенькой эмалированной раковине гора немытой посуды имела такой вид, словно она тут уже полгода лежит. Да и запах стоял соответствующий. Я вздрогнул, припомнив алюминиевую ложку, которой недавно ел. Под раковиной валялся пакет с мокрыми картофельными очистками, по которым уже деловито сновал крупный таракан. Остаться здесь мне как-то разом расхотелось. Видимо, все испытываемые чувства отразились на моей физиономии.

– Не переживай, – понимающе усмехнулся хозяин, – я уже вызвал уборщицу. Понимаешь, я здесь редко бываю... и еще реже задерживаюсь. Порой здесь гостят мои знакомые, которых заносит на пару дней в столицу нашей родины.

Я опустился на табурет рядом с квадратным столом. Наблюдая, как Мор на весу нарезает черный хлеб, размышлял, что первое впечатление меня похоже не обмануло. Мой новый знакомый самый настоящий бандит... ну, или аферист, который пускает кому-то пыль в глаза своей шикарной гостиной, где все другие помещения тщательно замаскированы. К тому же, эти гости тоже явно не стремились вести себя

скромно, что подтверждала большая гора пустых бутылок в углу.

– Интересно, – подвел я итог увиденному. И, вспомнив привидевшуюся мне девушку, решил уточнить: – А дамы в этой квартирке часто гостят?

– Дамы? – половник завис над кастрюлей. Похоже, хозяин сперва накормил меня, а потом уж решил пообедать и сам, возможно, лишь для того, чтобы проверить съедобность пищи. – Какие дамы?

– Ну, – я неопределенно махнул рукой. – Разные...

– Дамы, – иронично фыркнул Мор и поставил тарелку с супом на стол. Присел на табурет и взял в руки ложку. Я очень надеялся, что не ту же самую, которую он прихватил с собою из спальни. – Только что из-под машины вылез, а уже на баб тянет! Нет, тут тебе не притон. Телок сюда не води, а то выгоню взащей.

– Да я и не собирался, – озадаченно проговорил я. – Просто показалось, что недавно приходила одна... говорила на какой-то тарабарщине, курила, как паровоз... чего только не привидится!

Мор вздрогнул и отложил ложку. Взгляд его стал свинцовым.

– Как выглядела?

– Шубка такая беленькая, сама стройная... даже красивая. Только вот незадача – растаяла, как дым! – я горько усмехнулся и потер ладонями щеки. – Видимо, все-таки при-

дется обращаться к врачу, ударился я головой сильнее, чем сначала показалось!

Мор нахмурился, позабыв о еде. Он сгорбился и как будто разом постарел. Потом резко поднялся и вышел из кухни. Я удивленно последовал за ним. Когда вошел в комнату, Мор уже стоял посередине и настороженно принохивался.

– Вот не ожидал, что все так обернется, – проворчал он. – Придется усилить охрану.

– Так баба все-таки была, – догадался я. – Видимо, я просто пропустил, как она ушла... – И любопытствовал: – Что-нибудь украла?

– Нет, – отмахнулся Мор. – Но украла бы обязательно, если бы догадалась, что конкретно нужно тащить! Слушай, Алекс, внимательно: если еще раз эту стерву увидишь, прячься в каморке. Туда она не зайдет!

– Она и на кухню не зайдет, – рассмеялся я. – Побрезгует! А чего мне от нее прятаться? Она и так от меня шарахнулась, словно я только что из преисподней вылез.

– Это сложно объяснить, – неопределенно ответил Мор. – Но баба она опасная, держись подальше. А мне пора, прости. Да, скоро придет уборщица, откроешь ей все двери и покажешь помещения. Только в кладовку не води! А из кухни и спальни пусть выбрасывает все, что захочет.

Он резво, перепрыгивая через две, а то и три ступеньки, поднялся в спальню. Я пожал плечами и огляделся. Графин на изящном столике снова был полнехонек. Меня передер-

нуло. Я подошел к лестнице и страдальчески вздохнул. В палате мне оставаться ой как не хотелось, и дело даже не в загадочной девице с сигаретой, как-то здесь некомфортно. В кладовке есть матрас, но слишком много хлама. Но и подняться обратно в спальню сил совсем не было. Я потоптался внизу минут десять в надежде на то, что Мор поможет мне. Но хозяин так и не появился. Позвал его, но ответа также не дождался. Тогда, тяжело вздохнув, уцепился за перила и подтянулся к первой ступеньке...

Уже наверху оглянулся. Тут же, ощутив сильное головокружение, покачнулся и едва не скатился по лестнице. С трудом сохранив равновесие, ввалился в спальню с намерением высказать нерадивому хозяину все, что накипело на душе... но весь мой гнев мгновенно испарился. Мора в комнате не оказалось.

Я устало опустился на диван и подумал, что здесь наверняка еще и тайные ходы есть. Странное местечко...

Уже засыпая, вспомнил, как хозяин меня назвал перед уходом. Алекс. Странно все это. Имя свое я мог ему и сам называть: сразу после удара или потом, дома. Но почему Алекс? Не Леха, не Леша... А потом стало все равно, сон потащил в мягкую глубину подсознания, где Жанна, буравя меня мертвыми черными глазами, махала перед моим носом дымящейся сигаретой и что-то тараторила на незнакомом языке...

Глава 10

Кострома 6 сентября 2007

Ох, блин, как меня приложило! Пальцы ощупали длинную шишку.

– Виктор, машину! – злой голос Карла проник через неплотно прикрытые двери библиотеки. – Скорее!

Звуки быстрых шагов, хлопок двери.

– Где этот мальчишка? – ворчливо произнёс хозяин.

Скрипнула дверь, я скорее ощутил, чем увидел, как он заглянул в комнату. Шея втянулась в плечи, дыхание затаилось. Между мной и дверью стояло кресло, надеюсь Карл меня не увидит.

– Что за бардак, – фыркнул Карл и вдруг рявкнул: – Индо!

Мягко хлопнула дверь библиотеки, через несколько секунд – входная, а я облегченно перевел дыхание, откинувшись на спину. И тут пол подо мною зашевелился, волосы на голове тоже – от ужаса. Поскольку книги, которые валялись на полу, стали сами собой складываться обратно на полки. И даже те, на которых я лежал, пытались подняться. Ощувив, что приподнимаюсь над полом, судорожно вскочил и испуганно забрался с ногами в кресло. Книги, находившиеся там, остервенело спихнул на пол. Они тут же взвились в воздух вслед за собратьями и яростно отвоевали местечко на

полках. Захотелось перекреститься. Тем временем порядок в библиотеке восстановился, шелест страниц утих.

– Я псих, – обреченно вырвалось у меня. Взгляд упал на чистый пол. – О! А одна осталась.

На ковре лежал как раз тот самый фолиант, который оставил отметину на моей голове. Темная обложка без названия манила затейливой золотистой вязью. Почему-то очень сильно захотелось узнать, что это за книга, о чем в ней пишут. Странно, раньше такой тяги к книгам я за собой не замечал. Ноги словно сами спустились на пол, руки потянулись вниз, и в то же время я был готов броситься обратно под эфемерную защиту мягкого кресла.

Пальцы коснулись темно-синей поверхности. Ничего не произошло. Осмелев, ухватил фолиант обеими руками и плюхнулся в кресло, книга удобно разместилась на коленях, распахнувшись на середине. Я изумленно уставился на чистые страницы.

– Что это? – пальцы спешно пролистали несколько пустых страничек. – Меня чуть не убил огромный блокнот для записей?

Обиженно захлопнул книгу и оперся подбородком на корешок.

– М-да! Карл свалил, его черная тень тоже. Интересно, куда подевалась та дамочка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.